

- [Государственное учение Филарета, митрополита Московскаго](#)

- [Вместо предисловия](#)

- [Глава I](#)

- [Глава II](#)

Государственное учение Филарета, митрополита Московского

Издавая в свет основные черты государственных взглядов Филарета, митрополита Московского, мы имели в виду как самое высокое и безотносительное их значение в ряду политических учений, так и то, что они суть выражение исторически сложившихся государственных воззрений нашей православной иерархии, принимавшей живое участие во многовековом строении великого Русского царства. Мы изложили государственное учение митр. Филарета его собственными словами. Большая часть приводимых выдержек помещена была по случаю 100-летнего юбилея иерарха, в «Московских ведомостях». Вместо предисловия мы находим лучшим и наиболее соответствующим предмету передовую статью «Московских ведомостей» от 24 дек. 1882 г., появившуюся накануне 100-летней годовщины великого святителя Православной Церкви.

[Предисловие](#)

[Глава 1](#) * [Глава 2](#)

Вместо предисловия

26 дек. 1882 г. исполнилась 100-летняя годовщина дня рождения великого святителя нашей Церкви, митрополита Филарета, скончавшегося 85 лет от рождения в 1867 г. Церковь Всероссийская в лице Святейшего Синода и Московская епархия, кою святитель правил более 40 лет, с особым торжеством почтили его память.

Чествование памяти митрополита — дело не только достойное, но и особенно полезное в наши дни. Нам полезно оживить теперь его память и еще полезнее снова услышать его замолкнувшее слово. Он учил в те времена, еще не далекие, но как бы отделенные от нас целым столетием, когда в жизни нашего отечества не поднималось никаких вопросов и до нашего слуха лишь из чужих стран доносился гул смятений. Слово великого учителя, исполненное мудрости, внималось благоговейно; но оно раздавалось на высоте, оно обращалось к духовному созерцанию. В проповедях свт. Филарета таится учение государственной мудрости, которое в те времена могло казаться отвлеченностью, хотя поучительною, но не вызываемою требованиями жизни. Все внимали этим назиданиям, удивляясь их глубине, зоркости мысли, силе слова; но не находили применимости к жизни в его указаниях, наставлениях, советах, относящихся к государственным вопросам, потому что вопросов этих не было, их жизнь не задавала. Уже при конце жизни знаменитого архипастыря начались в России движения и появились нововведения, которые должны были изменить весь общественный быт наш; но начавшиеся реформы еще не выразились в своих последствиях, еще жизнь не заговорила, вопросы имели более теоретический характер в то время, когда угас светильник, в продолжение 50 лет горевший в Русской Церкви. Протекло 15 лет со дня кончины Филарета, и сколько событий совершилось, как изменилось все вокруг! Отечество наше стоит незыблемо на своих основах, но какое смятение в умах, какие колебания в самом правительстве! Если бы Бог продлил до сего дня жизнь митрополита Филарета, если бы он и доселе мог сохранить силу своего слова, как практически поучительно раздавалось бы оно теперь, с какою жаждой внимали бы поучениям государственной мудрости умы, не оторвавшиеся от Церкви; как тепло, при силе и глубине своей, отзывалось бы его слово в сердцах! Назидания митр. Филарета, обращенные к гражданскому смыслу, не казались бы теперь только умозрением, а были бы прямым ответом на горячие вопросы жизни. Но, уходя от нас, митрополит Филарет оставил нам в наследие свои поучения, которые в наши дни не только не утратили своего значения, но приобрели большее, чем имели в те отдаленные времена, когда сам владыка произносил их с церковного амвона. Теперь станут они понятны не умозрительно только, но и опытно; теперь могут они стать действенною в нашей жизни силой.

Совершившаяся 100-летняя годовщина митрополита Филарета побудит собрать и обнародовать все, что он оставил нам в наследие, во славу Церкви и на пользу нашего отечества. Кроме творений, изданных при его жизни, кроме проповедей его, известных не в одной России, сохранилось еще множество писем его к разным лицам, писем, которые возвращают нам его нравственный образ в большей жизненности, чем знали его люди, не знавшие его близко. Много уже обнародовано, но многое еще ожидается, а между тем, чувствуя память великого святителя, мы сделаем и достойное его памяти, и полезное для себя дело, если изберем из его проповедей то, что относится к вопросам государственного порядка, которые теперь в большом ходу, смущая и волнуя умы. Много в этих поучениях покажется нам сказанным по возбуждению текущих событий и вопросов. Владыка говорил как бы в поучение именно нашему времени. Читая его, мы как бы внимаем его голосу, как будто он сам восходит снова на свою святительскую кафедру для вразумления мятущихся, для укрепления колеблющихся, для

утверждения самой власти в сознании ее незыблемости и святости. Мы выбрали некоторые места из проповедей митр. Филарета, относящиеся к политическим вопросам, и предлагаем их читателю в некотором последовательном порядке. Мы приведем его учение о государстве, верховной в нем власти, отношения к ней подданных и других сторонах государственного строения, а также воззрения его на течение государственной жизни нашего отечества с начала текущего столетия до смерти святителя. Теперь же нам лучше умолкнуть и предоставить слово великому иерарху, слово, которое всего вернее и лучше оживит память о нем.

(«Московские ведомости», №357, 1882 г. см. также №№9, 49 и 51, 1883 г.)

«Откуда сие множество людей, соединенных языком и обычаями, которое называют народом? Очевидно, что сие множество народилось от меньшего племени, а сие произошло из семейства. Итак, в семействе лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в великом семействе, которое называют государством. Там нужно искать и первого образа власти, и подчинения видимых ныне в обществе. Отец, который естественно имеет власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сын, который ни способностей своих образовать, ни самой жизни сохранить не может без повиновения родителям и воспитателям, есть природно подвластный. Но как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека, то открывается, что Он глубочайший источник и высочайшее начало первой, а следовательно всякой последующей между людьми власти в Боге».

Митр. Филарет указывает на произвольный характер государства как силы природы, предвещающей всякий договор и соглашение.

«Должно, говорят мудрецы века сего, повиноваться общественным властям на основании общественного договора, которым люди соединились в общество и для общего блага общим согласием учредили начальство и подчиненность. Вот прекрасное основание для того, чтобы на нем построить государство в высокоумной книге или в мечтательной голове, а не в природе вещей. Если думают, что нельзя иначе основать общество, как на общественном договоре, — то не на нем ли основаны и общества пчел и муравьев? И не надобно ли подлинно выламывающим соты и разрывающим муравейники поручить отыскивать в них... хартию пчел и муравьев? И доколе сего не сделано, ничто не препятствует нам думать, что пчелы и муравьи составляют общества не по договору, а по природе, по впечатленной в существе их идее общения, которую Творец мира и в сем низком круге созданий своих осуществить благоизволил. Если же нашелся в природе пример составления общества человеческого? И к чему годится вымысел общественного договора? Никто не может спорить против того, что начальный вид общества есть общество семейное. Итак, младенец повинуется матери, а мать имеет власть над младенцем потому ли, что они договорились между собою, чтоб она кормила его грудью, а он как можно менее кричал, когда его пеленают? Что если бы мать предложила младенцу слишком тяжкие условия? Не прикажут ли ему изобретатели общественного договора идти к чужой матери и договариваться с нею о его воспитании? Сколь удобно в сем случае приложение общественного договора: почти столько же оно удобно и во всех других случаях для всякого человека, от младенца до старца, от первого до последнего. Всякий договор человеческий может иметь силу только тогда, когда вступают в него с сознанием и по доброй воле. Много ли же в обществе людей, которые слышали о договоре общественном; а из немногих, которые о нем наслышались, многие ли о нем имеют ясное понятие? Спросите, не говорю простого гражданина, спросите мудреца договоров: когда и как вступил он в общественный договор? Во время совершеннолетия? Но кто определил сие время? И был ли он вне общества до совершеннолетия?

Посредством рождения? Это превосходно. При сей мысли охотно, поздравляю всякого россиянина с тем, что он умел, не знаю с родителями ли своими или с самою Россией, договориться, чтоб ему родиться в могущественной России... Опасаться только надобно, что ни рожденный, ни родители не думали о сем договоре в свое время, и потому ссылаться на него не значит ли подделывать оный? И следственно, не вернее ли, как и проще, и в повиновении и в прочих отношениях к обществу разбираться по праву и обязанности рождения действительного вместо вымышленного договора — сего сновидения общественной жизни, которое, будучи

рассказано не в добрый час, произвело и производит вещественные бедствия человеческих обществ. «Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон твой Господи» ([Пс.118:85](#))

(Изд. 1877 г., т.3, стр.448,449).

«Что повиноваться должно, надобно ли сие доказывать? Где есть общество человеческое, там необходимо есть власть, соединяющая людей в состав общества; ибо без власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть действует в обществе и сохраняет оное посредством повинования. Следственно, повинование необходимо соединено с существованием общества. Кто стал бы колебать или ослаблять повинование, тот колебал бы или ослаблял бы основание общества. Много ли в обществе людей, способных к повинованию по идеям и умозрениям? Когда смотрю на опыты, как на подобных умозрениях хотят в наше время основать повинование некоторые народы и государства, как там ничто не стоит твердо, зыблются и престолы и алтари, бразды правления рвутся, мятежи роятся, пороки бесстыдствуют, преступления ругаются над правосудием, нет ни единокорности, ни доверенности, ни безопасности, каждый наступающий день угрожает, — видя все сие, не могу не заключить: видно, не на человеческих умозрениях основывать должно государственное благоустройство».

(Изд. 1848 г., т.2, стр.181).

... "Три рода повинования: корыстное для собственной пользы, рабское из страха, честолюбивое для достижения преимуществ. Что же должно сказать об их достоинстве? Бесспорно, что все они лучше неповиновения, все могут в разных случаях с успехом быть употреблены против искушений неповиновения; но есть ли тут добродетель чистая и твердая?

Добродетель не довольно чистая не может быть довольно постоянною, подобно как нечистое золото изменяет свой вид и обнаруживает примесь. Как естественно то, чтобы всякое действие равно было своей причине и дальше ее не простиралось, — так надлежит ожидать, что повинование, основанное только на страхе, на корысти, на удовлетворении честолюбия, поколеблется, когда честолюбию нет удовлетворения или по невнимательности награждающего, или по алчности самого честолюбия; когда повинование, требуемое общою пользою, противно частным выгодам; когда устрашающая законным отпущением или наказанием власть или не довольно сильна, или не довольно проницательна и деятельна...»

«...Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле царя; по образу Своего вседержительства — царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, — царя наследственного.

О, если бы все цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и к положенным на них чертам образа небесного верно присоединяли требуемые от них богоподобную правду и благость, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намерения и деятельности! О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство царя и устройство царства земного по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа, — благоговением и любовью к царю, смиренным послушанием его законам и повелениям и взаимным согласием и единокорием и удаляли от себя все, чему нет образа на небесах, — превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия! Все царства земные были бы достойным преддверием Царства Небесного. Россия, ты имеешь участие в сем благе паче многих царств и народов. «Держи, еже имаши, да никтоже примет венца твоего» ([Апок.3:11](#)).

«...У некоторых народов в наши времена о государственном устройстве и об отношениях между предержавною властью и подданными столько споров и распрей, что от них все общественные связи трещат, все столпы политических зданий колеблются; пусть бы они прочитали у нас (русских) явственнее на сердцах, чем на хартиях, написанное краткое, но

всеобъемлющее постановление государственное, которое заключается в следующих словах: святость власти и союз любви между государем и народом...»

(Изд. 1877 г., т.3, стр.442).

«...Пророк, между судьбами Божиими по всей земли отличая особенную судьбу помазанных, не довольствуется собственным указанием на то очевидное действие сей судьбы, что Бог не оставил человека обидети их; Он отверзает небо и дает услышать оттоле Творческое слово, созидающее их безопасность: не прикасайтесь помазанным Моим...

Неудивительно, что громовым гласом нужно было возвещать сию заповедь народам языческим, глухим для кроткого слова Божия. Кто бы подумал, что для христианских народов нужно вновь написать ее кровью христианских народов? Но она написана кровью и огнем на жесткой скрижали Европы; и в просвещенном веке есть мудрецы, которые доныне еще не умеют прочитать сих грозных и вместе спасительных писем...

Правительство, не огражденное свято почитаемою ото всего народа неприкосновенностью, не может действовать ни всею полнотою силы, ни всею свободой ревности, потребной для устройства и охранения общественного блага и безопасности. Как может оно развить всю силу свою в самом благодетельном ее направлении, когда его сила непрестанно находится в ненадежной борьбе с другими силами, пресекающими ее действия в столь многообразных направлениях, сколько есть мнений, предубеждений и страстей, более или менее господствующих в обществе? Как может оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно делить свое внимание между попечением о благосостоянии общества и между заботой о собственной своей безопасности? Но если так нетвердо правительство — нетвердо также и государство. Такое государство подобно городу, построенному на огнедыщащей горе: что значат его твердыни, когда под ним кроется сила, которая может каждую минуту все превратить в развалины? Подвластные, которые не признают священной неприкосновенности владычествующих, надеждой своеволия побуждаются домогаться своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения и не могут утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной»

(Изд.1848 г, т.2, стр.133,134).

«...Заповедь Господня не говорит: не восставайте противу предержавших властей. Ибо подвластные и сами могут понимать, что, разрушая власть, разрушают весь состав общества и следственно разрушают сами себя. Заповедь говорит: не прикасайтесь даже так, как прикасаются к чему-либо без усилия, без намерения, но легкомысленно, по неосторожности; ибо случается нередко, что в сем неприметно погрешают. Когда власть налагает на подданных некое бремя, хотя и легкое и необходимое, как легко возбуждается ропот! Когда подвластные видят дело власти, несогласное с их образом понятия, как стремительно исторгаются из уст их слова осуждения! Как часто необученная послушанию мысль, подчиненного нечистым прикосновением касается самых намерений власти и налагает на них собственную нечистоту! Клеврет мой, кто дал тебе власть над твоими владыками?»

(Изд. 1848 г., т.2, стр.136).

«...Государь и государство требуют от подданных верности вообще и в особенных служениях, должностях и поручениях. В сей верности необходимо нужно твердое удостоверение, потому что без сего не был бы обеспечен общественный порядок и даже не было бы общественной безопасности. Чем же обеспечить верность? Законами? — Но чтобы законы имели полную силу и действие, для сего нужна строгая верность в их употреблении. Следственно, предложенный вопрос здесь не разрешается, и только получает особенный вид: чем обеспечить верность в употреблении законов? Итак, чем же? Не честностью ли, предварительно дознаваемою? Для сего удобнее находить время и способы в необширном кругу

частных сношений, нежели в необъятном пространстве государственных отношений. Власть употребляет ближайшие и важнейшие свои орудия, без сомнения, с предварительным испытанием и дознанием, поколику достигает и пронизает человеческий ограниченный взор; но можно ли испытанием и дознанием решительно определить честность каждого из тысяч и тем людей прежде употребления их как орудий государства? Опять возвращается вопрос: чем обеспечить верность? Не честным ли словом? Честное слово можно принять обеспечением только из уст человека дознанной честности; а где предварительное полное дознание честности неудобноисполнимо, там не обеспечивает слово, которое само себя провозглашает честным... Чем же обеспечить верность? Не страхом ли наказаний? Как неприятно было бы, если бы и было возможно, основать общее спокойствие на одном общем страхе! Но это и невозможно; потому что могут быть нарушения верности, которых человеческая пронизательность не может открыть и правосудие человеческое не может преследовать. Страх наказания нужен и полезен для обуздания склонных к преступлениям, но недостаточен для образования качества верноподданных. Таким образом, неудовлетворительность более близких и обыкновенных средств к обеспечению верности приводит к крайнему средству — к запечатлению обещаемой верности великим и страшным именем Божиим, дабы каждый так уважал верность, как благоговеет пред Богом; дабы тот, кто вздумал бы дерзновенно коснуться своего обещания; неизбежно встретился с именем Божиим, которое не есть только произносимый звук, но призываемая сила Божия, пронизающая души, испытующая сердца, благословляющая верных и карающая неверных...»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.348,349).

«Когда темнеет на дворе, усиливают свет в доме. Береги, Россия, и возжигай сильнее твой домашний свет: потому что за пределами твоими, по слову пророческому, тьма покрывает землю и мрак на языки. Шаташася языцы и люди поучишася тщетным. Перестав утверждать государственные постановления на слове и власти Того, Кем царие царствуют, они уже не умели ни чтить, ни хранить царей. Престола там стали не тверды; народы обьюродели. Не то чтоб уже совсем не стало разумевающих; но дерзновенное безумие взяло верх и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростью Божией. Из мысли о народе выработали идол: и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола не достанет никаких жертв. Мечтают пожать мир, когда сеют мятеж; не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти Царя, принуждены раболепствовать пред дикою силой своевольных скопищ. Так твердая земля превращается там в волнуемое море народов, которое частью поглощает уже, частью грозит поглотить учреждения, законы, порядок, общественное доверие, довольство, безопасность.

Но благословен Запрещающий морю! Для нас еще слышен в событиях Его глас: до сего дойдеси и не прейдеси. Крепкая благочестием и самодержавием Россия стоит твердо...»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.226).

«Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Но вы возразите мне, что душой государства должен быть закон. Закон необходим, досточтим, благоверен; но закон в хартиях и книгах есть мертвая буква: ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остается ненаказанным, закон в книге благоустраивает общественные звания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мертвый в книге, оживает в деяниях; а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевител подчиненных деятелей есть Царь»

(там же, стр.302).

«Нельзя не обратить внимания... на печальный образ народа и общества, разделенного на толки и соумышления. Разделяя народ и общество на отдельные соединения, они повреждают

единство целого — первое условие общественной жизни; уменьшают общую силу, рассекая ее на частные, взаимно противоборные силы; ослабляют общественное доверие; волнуют тысячи народа, вместо того, чтобы устроить его благо правильной деятельностью в спокойном послушании власти; колеблют здание общества, обращая в вопросы и споры то, что признано при учреждении обществ, положено в их основание и утверждено необходимостью; ведут в обществе внутреннюю войну, конечно, не к спокойствию его и не к безопасности, а иногда еще бедственнее — заключают между собою притворное перемирие для сильнейшего восстания против истины и правды. Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим, светлым, сильным, всепроникающим, вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит Царь, свободно ограничивающий свое самодержавие волей Царя Небесного, мудростью, великодушием, любовью к народу, желанием общего блага, вниманием к благому совету, уважением к законам предшественников и к своим собственным, и в котором отношения подданных к верховной власти утверждаются не на вопросах, ежедневно возрождающихся, и не на спорах, никогда некончаемых, но на хранимом свято предании праотеческом, на наследственной и благоприобретенной любви к Царю и Отечеству и, еще глубже, на благоговении к Царю царствующих и Господу господствующих. Господи, Ты даровал нам сие благо!»

(там же, стр.226).

«Какой борьбы предметом бывает у иных народов избрание в общественные должности! С какою борьбой, а иногда и с тревогами достигают того, чтобы узаконить право избрания общественного! Потом начинается, и то утихает, то возобновляется борьба, то за расширение, то за ограничение сего права. За неправильным расширением права общественного избрания следует неправильное употребление оногo. Трудно было бы представить себе вероятным, если бы мы не читали в иностранных известиях, что избирательные голоса продаются; что ищущим избрания сочувствие или несочувствие выражают не только утвердительными или отрицательными голосами, но и камнями и дрекольем, как будто может родиться от зверя человек, от неистовства страстей — разумное дело; что невежды делают разбор между людьми, в которых должно усмотреть государственную мудрость, беззаконники участвуют в избрании будущих участников законодательства, поселяне и ремесленники рассуждают и подают голоса не о том, кто мог бы хорошо смотреть за порядком в деревне или в обществе ремесленников, но о том, кто способен управлять государством.

Богу благодарение! Не то в отечестве нашем. Самодержавная власть, утвержденная на вековом законе наследственности, некогда в годину оскудевшей наследственности обновленная и подкрепленная на прежнем основании чистым и разумным избранием, стоит в неприкосновенной непоколебимости и действует в спокойном величии. Подвластные не думают домогаться права избирать в общественные должности по уверенности, что власть радеет о благе общем и разумеет, чрез кого и как устроить оноe. Власть, по свободному изволению и доверию подвластных к подвластным, дает им право избрания общественного, назначая оному разумные пределы»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.322—323).

«Вода, хотя и есть в ней ил, является чистою, когда он лежит на дне; но когда каким-нибудь неправильным движением ил поднимается вверх, вся чистая дотолe вода теряет вид чистоты, становится мутною. Подобно сему общество человеческое, хотя есть в нем часть людей недобрых, является чистым и благополучным, когда сия несчастная стихия лежит на дне, когда люди недобрые, по справедливости униженные в общем мнении, не достигают власти, почета и влияния на других; но когда недобрая стихия поднимается вверх, когда люди недобрые достигают власти, почета и влияния на других — тогда они мутят и чистую воду, и добрых

людей или своим влиянием вводят в соблазн, или своею силой подвергают затруднениям и скорбям, и, возрастая в силе, вредят целому обществу»

(там же, стр.324).

«Некоторые люди, не знаю, более ли других обладающие мудростью, но, конечно, более других доверяющие своей мудрости, работают над изобретением и постановлением лучших, по их мнению, начал для образования человеческих обществ. Уже более полувека образованнейшая часть рода человеческого видит их преобразовательные усилия в самом действии, но еще нигде и никогда не создавали они тихого и безмятежного жития. Они умеют потрясать древние здания государств, но не умеют создать ничего твердого. Внезапно по их чертежам строятся новые правительства и так же внезапно рушатся. Они тяготеют к отеческой и разумной власти царя и вводят слепую и жестокую власть народной толпы и бесконечные распри искателей власти; они прельщают людей, уверяя, что ведут их к свободе, а в самом деле ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом низвергнуть их в угнетение...»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.291).

«Свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и делать лучшее. Она есть достояние каждого... Но в неисчислимости рода человеческого многие ли имеют так открытый и образованный ум, чтобы верно усматривать и отличать лучшее? И те, которые видят лучшее, имеют ли довольно силы решительно избрать оное и привести в действие? Что сказать о свободе людей, которые хотя не в рабстве ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстью, одержимы злой привычкой? Наблюдение над людьми и над обществами показывает, что люди, более попустившие себя в это внутреннее рабство — в рабство грехам, страстям, порокам, — чаще других являются ревнителями внешней свободы, — сколько возможно расширенной свободы — в обществе человеческом пред законом и властью. Но расширение внешней свободы будет ли способствовать им к освобождению от рабства внутреннего? Нет причины так думать. В ком чувственность, страсть, порок уже получили преобладание, тот, по отдалении преград, противопоставляемых порочным действиям законом и властью, конечно, неудержимее прежнего предастся удовлетворению страстей и внешней свободой воспользуется только для того, чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство»

(там же, стр.291).

«Изменить царю и отечеству на войне, расхитить государственное сокровище, осудить невинного на тяжкое наказание — эти вопиющие неверности против царя, отечества и закона поражают всякого, и тяжесть преступления входит в число средств, предохраняющих от покушения на оное. Но не исполнять царской службы и пользоваться воздаянием или наградой за службу, ввести виды личной корысти в распоряжение делами и средствами общественными, принять в суде ходатайство вместо доказательств и оправдать неправого — это, говорят, небольшие неточности не очень малы, особенно же потому, что беременны большими неверностями. Эта неопасная по видимому неправда вмале ведет за собою неверность во мнозе»

(там же, стр.320).

«Защитение отечества против воюющего врага, очевидно, невозможно без самоотвержения, без готовности пожертвовать даже жизнью. Но и в мирных отношениях всех дел государственных верность не обеспечена, если не готова к самопожертвованию. Надобно ли, например, в суде или в начальствовании, правого, но немогшего, защитить от неправого, но сильного соперника или преследователя? Кто может сие сделать? Без сомнения, только тот, кто готов подвергнуться гонению скорее, чем предать гонимую невинность. Надобно ли пред лицом сильных земли высказать несогласную с их мыслями и желаниями, но спасительную для общества истину? Кто может сделать сие? Без сомнения тот, кто готов пострадать за истину, лишь бы общее благо не потерпело ущерба»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.221).

«Обыкновенная о правде мысль в обществе та, что правду соблюдать должны правящие, а подчиненные и все общество имеют право требовать и ожидать ее от правящих. Мысль справедливая; но в ней только половина той правды; которой благоустроится общество, и потому от нее не может произойти полного мира; как можно примечать на самом опыте, что люди, требующие от правящих правды, как от подданных дани, безо всяких других рассуждений, при малейшем виде или даже только подозрении неправды, поднимают ропот, начинают судить и хотят писать новые законы правителям... Правду соблюдать должны все и каждый, по своей возможности, в своем круге; и с большей строгостью должны требовать правды от самих себя, нежели от других...»

Радость и счастье царя и царства начинается тогда, когда ощущается сила, отражающая страх коварств или насилий, в котором каждое общество естественно находится. Если закон гражданский ручается за безопасность частную, то спокойствие общественное и неприкосновенность самого закона охраняется силою. Сердце государства слабого потрясается от каждого движения, происходящего близ его пределов, и легкий ветер молвы кажется ему грозной силой»

(Изд. 1873 г., т.1, стр.191).

«В царствах более или менее союзных с Россией и частью соседних, у многочисленных народов образованных, в минуты дремания правительств из вертепов тайных скопищ, безнравственных и безбожных, внезапно исторгся вихрь мятежа и безначалия, который, колебля и разрушая порядок одного царства за другим, угрожает миру и безопасности всех народов Европы, и против державы Российской особенно дышит яростью с шумом и воплями, как против сильной и ревностной защитницы законной власти порядка и мира...»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.228).

«Род строптив и преогорчеваый, род, иже не исправи сердца своего и не увери с Богом духа своего» ([Пс.77:8](#)), волнует народы... царства разделяясь на ся колеблются... неправда домогается восхитить силу, а сила не довольно чтит правду... мечтают на мятеже основать законность, во всенародных распрях найти источник общественного согласия, иметь свободное управление посредством поработанного правительства... безначалие хочет быть началом очевидно не созидательным, а разрушительным»

(там же, стр.251).

«Зачем иные самонадеянные умы, вышед из повиновения вседержавной премудрости Христовой, домогаются самопроизвольно и суемудренно господствовать над делами и над законами и над общенародным разумением? Почто на страже правды и честности поставляют не высокий и сильный страх Божий, а малодушный и ничтожный страх мнения человеческого? О, если бы никто в царстве земном не действовал в забвении о власти небесной!»

(Изд. 1861 г., т.3,стр.313).

«В наше время многие народы мало знают отношения государства к Царству Божию... Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и Закона Божия; они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе на песке народных мнений и поддерживать его бурей бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достраиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся...»

(там же, стр.240).

«Се тьма покрывает землю, и мрак на языки» ([Ис.60:2](#)). Народы христианские, или, чтобы говорить определеннее, люди, которым попущено быть языком сих народов, представителями и провозгласителями их мудрования, направителями их деятельности, большею частью не то что не знают, но, что гораздо хуже, не хотят знать христианства; царства земные не ищут, не

признают Царствия Божия и менее обращают внимания на оное, нежели на царство последнего из соседей, делают для себя новые постановления, не основанные на постановлениях божественных, с такою прочностью, какая свойственна зданиям без основания: постановления их рушатся в их глазах; однако они не примечают, в чем недостаток, и воздвигают другие, не более надежды. (Так в 1830 г. митрополит Филарет говорил о конституциях во Франции, начиная с 1789 г.). Сии строители нового Вавилона трудятся для того, чтобы все привести в смешение, чтобы, опровергнув принятые общественные понятия, утвержденные на самой истине вещей или упроченные обычаем и древностью, кончить тем, чтобы не понимать друг друга. Они хотят царей не освященных Царем царствующих; правителей поработанных своим подданным; напротив того, приписывают царскую и самодержавную власть народу, то есть рукам или ногам предоставляют должность головы, и сия должность у них царствует мятежами, крамолами, разбоями, грабежами, сожигательствами, и достойный сего мнимого самодержавия народного плод есть отсутствие общественной и частной безопасности. Так шатаются языцы, потому что поучаются тщетным, потому что в своих неблагословенных сборищах собираются на Господа и на Христа Его. Но за то и Господь уже мятет их яростию своею; «яко сосуды скудельничи сокрушает их» ([Пс.2:9](#))? и не престанет сокрушать, дондеже възыщут оставшиися челоуецы Его и Его царствия ([Ам.9:12](#)).

...Поспешим вполне воздать неотъемлемую славу Царю Небесному на земле, еще взирающей к вечному Востоку, еще не объятай мраком Запада, еще не примесившейся к новому смешению Вавилонскому...»

(Изд. 1877 г., т.3, стр.461—462).

«...Как из малых племен возникают и возрастают народы, и не подавляются сильнейшими соседями, но и сильнейших по временам преодолевают или себе подчиняют? Как, напротив того, великие народы, которых естественная сила увеличивается искусствами ей служащими, не всегда возвышаются, но в свою череду падают и рассыпаются? И непосвященная в таинства судеб Божиих история на сие ответственна, что благочестие, хотя иногда не довольно просвещенное, но искреннее, правота и доброта нравов возвышают и облачают победоносной силой дух народа; что, напротив того, уменьшение в народе благочестия, повреждение нравов, преобладание пороков, разрушают единодушие, ослабляют верность и мужество, похищают у законов силу и почитаемые средствами общественного благоустройства образованность и просвещение обращают в орудия дерзости, беспорядка и разрушения...

Если невнимательность и холодность к вере уменьшает благоговение к священной клятве и таким образом ослабляет союз верности, соединяющий подданных с Царем и царством; а хитрость еще к большему ослаблению сего союза не страшится употреблять клятву, чтобы связать ею в общем составе государства особенные узлы своевольных соумышлений и незаконных скопищ — то это великая утрата общественной силы, состоящей в соединении.

Если склонность к роскоши, праздности, забавам расстраивает порядок в семействах, истощает богатства их, делает то, что дети, забытые родителями во время воспитания, взаимно забывают их после воспитания — не прострется ли сие расстройство и на семейство семейств? Где будет богатство государства, которое из богатств подданных слагается? Где будут сыны отечества, когда детей семейств не будет?

Если различные состояния общества от неправильного движения страстей, подобно вывихнутым членам тела, выходят из свойственных им мест и пределов, не столько занимаются своими обязанностями, сколько чужими, втесняются в дела совсем до них не принадлежащие, например, воин хочет законодательствовать; не призванный Церковью поставляет себя учителем веры; поселянин прилагает ухо к молве о вольности, которой не понимает и которою не умеет пользоваться; гражданин мечтает о благородстве имени, не принадлежащем его

званию, не поставляя в справедливую цену благородства духа, в приобретении которого никто ему не препятствует, — что может от сего последовать, как не то, что и весь состав тела государственного производить будет не стройные и не здоровые движения?

Если в служении Царю и царству явно поставляют целью личную честь и выгоду, к чему такое стремление приведет удобнее: к пожертвованию ли собою отечеству, или, напротив того, к пожертвованию себе отечеством? Имеяй уши слышати, да слышит»

(Изд. 1848 г., т.2, стр.143).

«...Да, есть в том польза, когда алтарь и престол союзны — но не взаимная польза есть первое основание союза их, а самостоятельная истина, поддерживающая и тот, и другой. Благо и благословение царю — покровителю алтаря; но не боится алтарь падения и без сего покровительства. Прав священник, проповедующий почтение к царю — но не по праву взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и без надежды взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и без надежды взаимности.

Вот человек, который недавно был рыболовом и который, перестав быть таким, не сделался более важным для Иерусалима и Рима. И несколько других, подобных ему, вопиют иерусалимлянам и римлянам, иудеям и язычникам: «Бога бойтесь! Веруйте в Господа Иисуса!» Сей голос проходит века. Тысячи и мириады иудеев веруют в Иисуса, ими распятого. Миллионы бывших многобожников убоялись Бога единого. Повсюду христианские алтари на развалинах синагог иудейских и капищ языческих. Какой могущественный царь помог сему огромному перевороту? Константин Великий? Но как? Он пришел к алтарю Христову, когда сей уже стоял на пространстве Азии, Европы и Африки; пришел не для того, чтобы со своим величием повергнуться пред его святыней. Живый на небесах рано посмеялся тем, которые поздно вздумали унизить его Божественную религию до зависимости от человеческих пособий. Чтобы сделать смешным их мудрование, Он три века медлил призывать сильного царя к алтарю Христову; а между тем со дня на день восставали на разрушение алтаря сего цари, народы, жрецы, мудрецы, сила, искусство, корысть, хитрость, ярость. Что же наконец? Все сие исчезло, а церковь Христова стоит — не потому, что поддерживается человеческою силой...

Вот и другое воззвание бывшего рыбака: «Царя чтите». Пусть поищут мудрецы сомнений и подозрений, какая взаимность, выгода, надежда могла заставить проповедника пристрастно благоприятствовать царю. Кто был царь, который прежде и ближе других встретился с проповедью святого Петра? Ирод. Какие же услуги оказал Ирод христианству? «Возложи, — говорит книга Деяний Апостольских, — возложи Ирод царь руке озлобити некия от церкви. Уби же Иакова, брата Иоаннова, мечем. И... приложи яти и Петра, ...его же и ем всади в темницу» ([Деян.12:1—4](#)). Ангел чудесно избавил Петра от темницы и от царя, и после того Петр проповедует: «Царя чтите». Чем также наградила Петра за подвиги апостольские держава римская? Не крестом почести, а крестом распятия. Петр ожидал сего... и почтение к царю проповедывал подданным царя, от которого пострадать готовился. На чем же основывалась сия проповедь? Конечно, не на взаимности, выгоде, надежде. На чем же. Без сомнения, на истине Божественной, а не человеческой: «Бога бойтесь, царя чтите» ([1 Петр. 2:17](#)). Первая из сих заповедей тверда самостоятельно: в мысли о Боге необходимо заключается мысль о благоговении к Богу. На первой утверждается вторая: ибо если вы боитесь Бога, то не можете не уважать того, что поставил Бог; но как, по слову другого апостола, несть власть, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть, и власть верховная ближайший на земли к Богу Божий слуга есть, то, благоговевая истинно пред Богом, вы не можете не чтить усердно и царя...»

«...В наше время у некоторых народов возникла новая мудрость, которая вековыми трудами государственной мудрости обработанные и усовершенствованные государственные установления находит не только требующими исправления, но совсем негодными и хочет все

переломать и перестроить. По огромности предприятия можно подумать, что это, должно быть, огромная мудрость: и вот случай прельщения. Итак, может быть, неизлишне испытать сию новую мудрость на оселке апостольском. Чиста ли она? — Нет. Она совсем не говорит о благоговении к Богу, которое есть единственный источник чистоты, и потому не имеет мысли о том, что христианство называет чистотою. Мирна ли она? — Нет, она живет и дышит распрями не только ее последователей с непоследователями, но и последователей между собою. Кротка ли? — Надменна и дерзновенна. Исполнена ли милости и плодов благих? — Нет, жестока и кровожадна. Несомненна ли? — Напротив, она ничего не произвела, кроме сомнений, подозрений, нареканий и недоверенности...

Страстные любители знаний могут возразить, что это — смешение понятий: что иное — знание, а иное — деятельность, иное — мудрость, а иное — добродетель. Не спорим, что они разделены в понятии: но так ли в жизни? Можете взять отдельно голову и сердце — мертвые; но в живом человеке они находятся в единстве, и голова не живет без сердца. Так, можете взять отдельно мудрость и добродетель в мертвом понятии: но в истинной жизни они находятся в единстве; ум не живет без сердца, а мудрость — без добродетели»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.233).

«...Истина есть жизненная пища духа человеческого. Уничтожьте истину — в уме останется пустота, глад, жажда, томление, мука, если только он не в омертвлении или не в обмороке крайнего невежества. Если вздумаете питать его образами воображения, имеющими преходящий блеск, но не заключающими твердой истины, ему вскоре наскучит черпать воду бездонным сосудом, жажда его останется неутолимою и мука неисцельною.

Что значит любопытство детей, их желание о всем спросить и все узнать? Это естественная жажда истины, еще не знающая определительно, чего жаждет, и потому стремящаяся поглотить что только можно.

Что ищет судья в законе и в судебном деле? Истины. Если бы вы могли уверить его, что он не найдет истины, вы уничтожили бы закон и правосудие.

Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной и в тайных хранилищах природы человеческой? Истины. Утвердите, что нельзя найти ее — вы поразите науку смертельным ударом.

Но можно ли действительно находить истину? Должно думать, что можно, если ум без нее не может жить, а он, кажется, живет и, конечно, не хочет признать себя лишенным жизни.

Были люди, которые хотели доказать, что истина недоступна познанию человеческому. Но что значит доказать? Значит истину, скрывающуюся во мраке неизвестности или во мгле сомнений, вывести на свет посредством одной или нескольких истин, ясно познанных и несомненно признанных. Итак, истина существует прежде доказательств, уже присутствует при их рождении и смеется над теми, которые хотят доказать ее отсутствие или несуществование, но для сего принуждены ее же призвать на помощь.

От любомудрия новейшего времени можно услышать что ограниченное, многочастное, условное, относительное чувственно являемое, изменяющееся, преходящее не представляет совершенной истины; что коренная совершенная истина должна быть найдена в непреходящем, в неизменяемом, в умосозерцаемом, в отрешенном, в безусловном, в единичном, в бесконечном. В сих словах нечто слышится о истине; но не слишком ли мало в них ясности? Многие ли удобно и верно уразумеют каждое из них? Но разве истина только для немногих мучителей собственного ума, а не для всего человечества? И неужели к началу света надобно идти непременно темным путем? Менее ли удовлетворительно и не более ли понятно для всех, если скажем, что корень и основание истины, средоточие истин, солнце мысленного мира есть чистое умопредставление, или, по-вашему, идея Бога, Творца, Вседержителя, и что сия истина

весьма доступна познанию всех человеков; «зане разумное Божие яве есть в них; Бог бо явил есть им; невидимая бо Его от создания мира твореньми помышляема видима суть и присносущная сила Его и Божество» ([Рим.1:19—20](#)).

В слух столицы язычества, в слух народов и мудрецов языческих, сказал св. апостол Павел, что разумное Божие яве есть в них. Так он был уверен, что против сей истины не может быть основательного возражения. Но вслед за сим он же, не опасаясь быть в противоречии с самим собою, сказал, что сии самые люди, для которых разумное Божие яве есть, примениша истину Божию во лжу и почтоша и послужиша твари паче Творца. И на сие очевидным доказательством также имел он пред собою целый мир языческий и опыты веков и тысячелетий.

После сего извольте усмотреть, ревнители истины, в каком положении находится человечество к истине. Истина так необходима ему, как пища, истина доступна его познанию — и между тем целый мир в продолжение веков и тысячелетий не умел найти и привести в действие первую коренную, преимущественно необходимую, яве поставленную истину. Не несчастно ли человечество, не умея познать истину, преимущественно необходимую и спасительную? И еще — не виновно ли оно пред Богом, не приняв истины, которую Бог явил есть? Что же далее по естественному последствию предыдущего и вместе по правосудию Божию? Неразрешимая мгла сомнений? Блуждание во мраке неизвестности или вслед за обманчивыми призраками? Гладная смерть духа и, по кратковременной призрачной душевной жизни, гибель всего человека? Такова точно была и была бы навсегда судьба человечества, если бы Бог, Который познавательное о себе явил человекам посредством естества сотворенных вещей, по преизбытку милосердия, не явил себя вновь посредством Своего воплощенного Слова, Своего Единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа.

Так определяется значение и открывается сила изречений Христа Спасителя, что Он на сие пришел в мир, да свидетельствует истину; что только пребывающие в словеси Его имеют надежду уразуметь истину; что Он Сам есть истина и путь к истине и жизни. Благодать и истина Иисусом Христом бысть, говорит возлюбленный ученик Его...

Не скажет ли мне кто-нибудь: это истина Божия; предоставляем ее богословам; нам предлежит подвиг о истине естественной, полезной для человека и для общества человеческого? А мне, братия, предлежит забота и подвиг о том, чтобы вы не отстраняли от себя истины Божией. Для чего хотят рассекать истину? Рассекать — значит убивать. Нет жизни без единства. Неужели, думают, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной, полезной человеку и обществу человеческому, и что последняя так же может жить без первой, как и в соединении с нею? Посмотрите на народы и на общества человеческие, христианские и нехристианские. Не так ли ясно светит истина естественная — естествоиспытательная, умственная, нравственная, созидательная, благоустроительная и благоуукрашительная для человеческих обществ, где сияет солнце истины Божией и Христовой? Не ночь ли покрывает естественные способности и жизнь народов, над которыми не взошло благодатное солнце истины Божией и Христовой? Исторгните солнце из мира — что будет с миром? Исторгните сердце из тела — что будет с телом? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божию и Христову из человечества — с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца.

Но я по призванию любомудр и естествоиспытатель; какое же должно быть мое отношение к истине откровения? Не мечтай, что ты можешь создать мудрость; помышляй лучше, что мудрость может придти и пересоздать тебя; и когда с Соломоном найдешь, что во множестве самодельной, неудовлетворяющей мудрости множество досады и только крушение духа, тогда и не медли исповедать и твоему естественному любомудрию призвать на помощь Того, «в Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна» ([Кол.2:3](#)).

Я изыскатель истины бытописаний человеческих — чем должен я истине Божественной? Непусти себя тупым взором видеть в бытии человечества только нестройную игру случаев и борьбу страстей или слепую судьбу; изощри твое око и примечай следы провидения Божия премудрого, благого и праведного. Остерегись, чтобы не впасть в языческое баснословие, доверчиво. Остерегись, чтобы не впасть в языческое баснословие, доверчиво следуя тем, которые в глубине древности мира указывают т.н. доисторические времена. У язычников басня поглотила истину древних событий — мы имеем истинную книгу бытия, в которой нить бытия человеческого начинается от Бога и первого человека, и не прерывается, доколе наконец входит в таковую ткань разнородных преданий и бытописаний.

Я исследователь звезд, планет и их законов; чего от меня требует истина Божия? Ты очень искусно возвысил проницательность своего зрения, чтобы видеть в небесах невидимое простому оку — потщись возвысить так же искусно проницательность твоего слуха, чтобы ты мог ясно слышать и возвестить другим, как небеса поведают славу Божию. Указано тебе для примера на одного из подвижников твоего поприща. Когда он усмотрел, что одна долго наблюдаемая звезда в продолжение наблюдений переменяла свой сребровидный свет в виде раскаленного угля и потом исчезла, он заключил, что с нею совершилось подобному тому, что предречено о нашей земле: «земля же и яже на ней дела сторгят» ([2Пет.3:10](#)), и потому сказал: «Слава Богу! Пред нами новое свидетельство того, что миру предстоит конец, что, следственно, он имел начало, что есть Бог, Творец мира и Владыка судеб его».

Я любитель и воздeльватель изящного слова; должен ли я свободу и красоту слова поработить строгости высшей истине? Рассуди, велико ли будет достоинство твоего дела, если красивые цветы твоего слова окажутся бесплодным пустоцветом? Не лучше ли, чтобы в них скрыто было плодотворное семя назидательной истины и чтоб они издавали благоухание нравственной истины?

Все мы, христиане, — и любомудрствующие, и в простоте смиренномудрствующие, — да не забываем никогда, что Христос есть не только истина, но и жизнь. В своем слове и в своем примере Он соделался для нас путем, чтобы привести нас к истине и чрез истину к истинной жизни. Кто думает обеспечить себя достижением некоторого познания истины Христовой и не довольно старается обратить ее в действительную жизнь по учению и примеру Христову, тот самую истину обманывает себя и подвергает себя опасности умереть на пути...»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.333—338, «Слово по случаю 100-летия Московского университета»).

«Господь открывает... свое училище, какого никто кроме Него, ни до Него, ни после Него, не мог образовать, — училище, всегда довольно высокое для самых возвышенных умов и душ, и вместе довольно простое для самых простых и смиренных земли; училище, которое не ласкает надеждоу степени учительской, а хочет сделать все народы не более как учениками, но которое, будучи так неприманчиво, при первоначальном образовании своем привлекло и переучило по-своему древле ученый мир; училище, в котором, без нарушения справедливого уважения и любви к известным наукам, можно заметить преимущественно достойные неповерхностного любопытства предметы учения. Слово жизни — философия не по стихиям мира, художественными опытами убиваемым и раздробляемым на мелочи и, по естественной соразмерности последствия с причиноу, дающим не очень живые и не очень огромные познания, но по живым и животворным началам премудрости Божией в тайне сокровенной, юже уготови Бог прежде век в славу нашу; созерцание верховной Единицы в единосущной Троице и Троицы в Единице как истинного корня всего числимого, как безмерного основания всего измеряемого; познание земли и неба — не то могильное познание земли, которое по глыбам и слоям сходит в глубину ее как в могилу и остатками разрушения хочет истолковать жизнь погребенную и оставшуюся без надежды воскресить погребенную и сохранить

оставшуюся; не то стеклянное познание неба, которое посредством дальноразительных стекол следит пути звезд, не пролагая зрителю пути на небо, — но познание земли и неба в начале добрых зело, потом земли, проклятой в делах человека, и неба, сделавшегося нечистым (Иов.15:15), далее земли, которая с сущими на ней делами сторит, и неба, которое прейдет, — наконец, нового неба и земли новой, в которые можем переселиться и мы, если правдою жить будем; законодательство не какое-нибудь древнее греческое и римское, которому время дало важность и которого время показало слабость, потому что государства, которые хотели благоустроить и упрочить сия законодательства, давно исчезли, — но законодательство, которым Царь неба и земли благоустроит свое царство всех веков и свое владычество во всяком роде и роде... Врачебная наука, — преподающая средства не только исцелять от болезней душевных, но и давать воскресение от смерти духовной, показывающая способы не только сохранять от разрушительных нравственных недугов жизнь, какую имеем, но и обретать новую, лучшую, открывающую не мечтательное, а подлинное всеисцеляющее врачевство, плоть и кровь Богочеловека и единственное начало высшей жизни, благодать Св. Духа. Не занимательны ли должны быть сии предметы? Не достоин ли ревностного слушания и последования единственный Учитель, Который преподавал и преподает их в своем вселенском училище? И что же препятствует слушать Его и поучаться от Него? Напротив, как близко и как удобно! Приступите к Нему и просветитесь»

(Изд. 1848 г., т.2, стр.3,4, «Слово при освящении храма Св. мученицы Татианы в Московском университете»).

«Семейство древнее государства. Человек, супруг, супруга, отец, сын, мать, дочь и свойственные этим наименованиям обязанности и добродетели существовали прежде, чем семейство разрослось в народ и образовалось государство. Посему жизнь семейная в отношении к жизни государственной есть некоторым образом корень дерева. Чтобы дерево зеленело, цвело и приносило плод, надобно, чтобы корень был крепок и приносил дереву чистый сок. Так, чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процветала образованностию, приносила плод общественного благоденствия, для сего надобно, чтобы жизнь семейная была крепка благословенной любовью супружеской, священной властью родительской, детской почтительностью и послушанием, и чтобы вследствие того из чистых стихий жизни семейной естественно возникали столь же чистые начала жизни государственной, чтобы с почитанием к родителю родилось и росло благоговение к царю, чтобы любовь дитяти к матери была приготовлением любви к отечеству, чтобы простодушное послушание домашнее приготовляло и руководило к самоотвержению и самозабвению в повиновении законам и священной власти самодержца...»

(Изд. 1848 г., т.2, стр.169).

«...Что нынешнее воспитание располагает к своеволию, это правда. Я нередко дивлюсь, с какой важностью и самостоятельностью ведут себя малолетние дети при родителях, и сии как будто не смеют прикоснуться к ним»

(Письма митрополита Филарета к архимандриту Антонию, т.3, стр.133).

«В нынешние времена о предметах, правилах и способах воспитания так много рассуждают, пишут, спорят, что это едва ли не уменьшает доверия воспитателям от воспитываемых, которые слышат их препирающимися между собою и видят недавно одобренное осужденным. Может быть, это и неизбежно, по причине умножившихся и оразнообразившихся требований жизни общественной и частной, которым воспитание должно удовлетворять. Притом гласность некоторые почитают всеобщим врачевством против общественных зол, хотя она иногда и бывает источником общественных болезней, если слишком неудержимо расширяет уста свои не только для правды, но и для неправды»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.309).

«...В мудровании сынов века сего видны две мысли, которые располагают их жить в настоящем со слепую надеждой или, напротив, с отчаянною беспечностью в отношении к будущему: первая — что мир идет по своим законам, и потому один или несколько человек напрасно усиливались бы дать сей огромной машине желаемое направление; другая — что человечество само собою идет к совершенству, и потому немного важности в том, как ударяешь ничтожным веслом твоим по широкой реке времени, которая и без того течет и все по ней плывущее влечет к морю совершенств разного рода...

Думают одним взором обнять все человечество: указывают какой-то самодвижный ход оного к совершенству; превозносят успехи т.н. просвещения и образованности; обещают золотой век. И там, где наиболее думают, что все сие делается и сделается само собою и менее всего заботятся о благословении и просвещении свыше — там именно и в то же самое время не находят ни добродетелей, ни нравов, ни спокойствия, ни безопасности, пороки необузданны, распри бесконечны, союзы ненадежны, мудрость сделалась не более как промышленностью, и познания — товаром, книги и зрелища наполнены преступлениями и ужасами, как темницы и места казней. Скажите, пожалуйста, неужели сие-то и есть прямая дорога и естественный ход к совершенству человечества? Или, напротив, не суть ли это распутия, дебри, пропасти, уклонения, заблуждения, падения?»

(Изд. 1848 г., т.2, стр.143).

...Какой ныне и между нами жребий праведников? Каков суд изрекаем мы на себя и на наших современников, когда сами обыкновенно говорим, что наши времена не суть времена святых, что благочестие и нравы отцов наших остались почти без наследников; что бедствия, которыми столь многие невинные жертвы восхищены от среды лукавствия, не остановили, если только не ускорили, успехов лукавствия, — и говорим о сих печальных явлениях с таким участием, как о ночных призраках во время дня?»

(Изд. 1873 г., т.1, стр.217—218).

«В наше время и близ нас не умножаются ли уста, глаголющая суету в забвении Бога и Его заповедей? Не глаголют ли они часто, свободно и обязательно, в беседах, на зрелищах, в книгах?»

Дело суеты начинается тем, что уменьшается внимание к Божественному, заглушается вкус к духовному и усиливается склонность к чувственному: пленяются изящным, ищут приятного с охлаждением к истинному и доброму; более занимаются игрой, чем слушают рассудка и нравственного чувства. Но только Божественное, духовное, истинное и доброе, как бессмертное и сродное, доставляет душе постоянное наслаждение; а чувственное, как тленное, не может удовлетворить ее. Приятное, не упроченное истинным и добрым, мгновенно и перестает быть приятным при повторении и пресыщении, отсюда рождается непрестанная жажда нового: страсти при ослаблении вожей рассудка и нравственного чувства легко превращаются в бешенных коней. Дело суеты, получив силу, не может остановиться на одних забавах, но, смотря по обстоятельствам, больше или меньше, скорее или медленнее, подается вперед. Куда? Это слишком очевидно в наше время у сынов чуждых. Многочисленные у них уста, глаголющие суету, сперва говорили суету приятную, потом нескромную, потом соблазнительную, потом явно порочную, наконец возмутительную и разрушительную. Взволновали умы: вызвали, поощрили, даже вновь образовали людей, их же десница — десница неправды, и таким образом произошли воды многи, потом зла, которое подмывает основание всякого общественного благоустройства и благосостояния общественного и частного. Так у сынов чуждых. Довольно ли мы осторожны?»

(Изд. 1873 г., т.3, стр.229—230).

«Земледельцы на деревенских полях вдали от столиц сеют семена свои, чтобы собрать от

них насущный хлеб; но Бог дает избыток плода, который проходит селения, питает города и восходит на трапезу цареву. Подобно сему сейте слово истины и правды — кто может — на большом, а другие — на малом поле; поощряйте к сему друг друга; посев может сделаться обширным и общественным. От ревностного распространения в обществе слов истины и правды должен произойти плод общественного здравомыслия и правдолюбия, а от сего обилие общественного мира и благоустройства; и это будет добрый дар подданных царю, пекущемуся о благе их, содействие его подвигу в благоустройении царства...

Привычка легкомысленно метать слово на ветер, к сожалению, очень обыкновенная, не дает нам приметить, какое сокровище часто расточаем без пользы или со вредом для себя и для ближних... Какое сокровище расточает человек, какой высокий дар повергает и попирает, какую могущественную, животворную и благотворную силу делает бездейственной и мертвою или, напротив, злотворною, когда употребляет слово не для истины, правды и благодати, но на празднословие, на срамословие, на ложь, на обман, на клевету, на злоупотребление клятвы, на распространение зломудрия. Не будьте к сему невнимательны или равнодушны, чтущие достоинство слова; ревнуйте о нем; одушевляйте и вооружайте ваше слово истиною и правдою и, действуя им верно и твердо, не допускайте разлития глаголов потопных ([Пс.51:6](#)).

Близ пути слова правды особенно приметны два распутия: на одной стороне — лесь, на другой — злоречие. Один говорит: «Надобно с ближними обращаться приятным для них образом, особенно с высшими», — и вследствие сего льстит. Другой говорит: «Надобно черное называть черным», — и под этим предлогом предается злоречию. Ни тот, ни другой не на правом пути — оба на распутиях, которые не ведут к добру...

Злоречие, которым некоторые думают исправлять зло, — неверное для этого врачевство. Зло не исправляется злом, а добром. Как загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязною водой, так описаниями порока, столь же нечистыми и смрадными, как он сам, нельзя очистить людей от порока. Умножение пред глазами народа изображений порока и преступления уменьшает ужас преступления и отвращения от порока, и порочный при виде таких изображений говорит: «Не я один, таких много: не очень стыдно». Укажите на темный образ порока, не терзая чувства и не оскорбляя вкуса чрезмерным обнажением его гнусностей; а с другой стороны, изобразите добродетель в ее неподдельной истине, в ее чистом свете, в ее непоколебимой твердости, в ее чудной красоте...»

(Изд. 1873 г., т.3, стр.304—305).

«...Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления. Посему необходимо восставать не вдруг противу всех недостатков, но в особенности против более вредных и предлагать средства исправления не вдруг всепотребные, но сперва преимущественно потребные и возможные»

(«Письмо к преосвященному Иннокентию Камчатскому, бывшему митрополиту в Москве», «Русский архив», 1881 г., т.2, стр.28).

«...Усиленное стремление к преобразованиям, неограниченная, но неопытная свобода слова и гласность произвели столько разнообразных воззрений на предметы, что трудно между ними найти и отделить лучшее и привести разногласие к единству. Было бы осторожно как можно менее колебать, что стоит твердо, чтобы перестроение не обратилось в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразия мнения извлечь твердую истину»

(«Письмо к ректору Московской Духовной Академии прот. А.Г. Горскому от 10 апр. 1867 г.», «Творения св. отцов», изд. 1882 г., кн.4, стр.432—433).

«Сильное движение управления от единства к народовластию неблагоприятно началам духовного управления и может обессилить апостольскую и церковную идею послушания...»

(там же, стр.437).

«Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? Говорят: для исправления... А что в самом деле должно произойти, если все будет обременено и все будут обременены порицаниями? Естественно уменьшение ко всему и ко всем уважения, доверия, надежды. Итак, созидает ли дух порицания или разрушает?»

(«Речь при открытии Общества любителей духовного просвещения в Москве»).

Об избрании судей Филарет еще в 1818 г. (в то время викарий С.-Петербургской митрополии) произнес в петербургском Казанском соборе слово, многие места коего имеют прямое приложение и к новым судам, хотя строй их уже совсем не тот, что прежде:

«...Избирателям судей не так же ли нужно знать и чувствовать важность суда, как и самым судьям? Избрание судей есть сеяние того, что должно принести плод в суде; а суд есть жатва того, что посеяно в избрании — можно ли надеяться доброй жатвы после худого сеяния и может ли быть доброе сеяние, когда сеятель не думает о том, что сеет? Сеятели правды и мира, не посеять бы вам неправды и раздора, клеветы и мздоимства? Благородные мужи и граждане, облакаемые ныне в сан избирателей и таким образом поставляемые судьями будущих судей! Готовясь произнести клятву в верности сего чрезвычайного служения вашего престолу и отечеству, рассмотрите прежде внимательно, какое важное дело предлежит вам. «Видите, что вы творите»? ([2Пар.19:6—7](#)).

...Устроение суда чрез избрание важнейших блюстителей общественного порядка и правосудия есть одно из важнейших дел человеческих; от него много зависит благо или зло многих людей, благоустройство или нестроение общества, совершенство или несовершенство союза между государем и государством.

Суд есть ограда собственности и личной безопасности, а судья есть страж сея ограды. Без суда всякая земля была бы, подобно как некогда земля Ханаанская, землею поядающею живущие на ней: не было бы другой собственности, кроме добычи хищника, до которой не достигла рука другого хищника; не было бы другой безопасности, кроме безопасности вооруженного и бодрствующего воина или безопасности сильного притеснителя, доколе он не встретился с сильнейшим... Но что крепкая ограда, если страж ее ненадежен! Что и укрепленный законами суд, если в нем действует недостойный судья! Правда, закон поставлен не только для подсудимых, но и для судии, дабы вразумлял его и управлял им; но мудрость и справедливость закона суть заключенные сокровища, если не отверзутся мудростью и справедливостью очи судии. Закон подчинен необходимости и не может подвигнуться, чтоб удержать при себе судию; но судья свободен и может уклониться от закона. Как искусный ловец и хитрых зверей уловляет, и поражает сильных, и приводит в безопасность кроткое стадо, — так искусный судья, простирая мудрую сеть законного изыскания и действуя силою законов, и уловляет коварных, и низлагает дерзких преступников, и приводит в безопасность добрых граждан; а у неискусного или невинные увязают в сети, простираемой для виновных, или виновные расторгают ее. Судья справедливый, изыясняя закон совестью, делает добро и невинному, которого оправдывает, и виновному, которого осуждает, пресекая для одного зло, которое он претерпевал, в другом — еще более существенное зло, которое он делал; а судья несправедливый бедственнейшим образом умножает зло, которое должен был истреблять или хотя уменьшать...

Не ограничиваясь благом частных людей, которое и не может быть без общего, суд есть также орудие общественного благоустройства и благосостояния. Судья, как блюститель общественного порядка, должен обнимать и проникать мыслью весь состав общества, должен постигать единство сего многочленного тела в самом основании оною и потребности его во

всем их разнообразию, дабы мог быть надежным охранителем его жизни и врачом его болезней. Если мы бываем осмотрительны в избрании врача и для легкой болезни даже малейшего из членов нашего тела, какая осмотрительность потребна... Видите, что вы творите.

Орудие благосостояния для целого тела общества и членов его есть особенным образом орудие верховной власти, которая есть глава и сердце сего тела. И все члены тела соединены со главою и покорены ей, способствуют ее благотворному владычеству над прочими? Все они почерпают силу жизни от источника сердца; но не важнейшие ли те, которые, будучи ближайшими преемниками ее, должны распространять ее по всему составу? Судия есть око верховной власти, дабы надзирать благосостояние всего тела государства и каждого из членов его; ее мышц, дабы приводить их в правильное движение; ее руки, дабы простирать ее для охранения их. Он есть преемник и сопроводитель животворной силы, текущей от сердца во все тело государства — любви государя к подданным. Но какой будет союз главы или сердца с целым составом тела, верховной власти — с обществом, если тусклое или померкшее оно не будет представлять главе ни состояния, в котором находятся члены, ни опасностей, которые им угрожают? Если расслабленная мышца не будет поднимать тяжести членов, которые чрез нее должны быть приводимы в движение, или будет производить только беспорядочные содрогания? Если рука, по воле главы долженствующая покрывать и охранять члены, будет их обнажать и терзать? Если орудия мудрости и благодати государя будут преграждать их благотворные влияния, а не распространять по всему составу государства? Вам, избиратели, предлежит посредством избрания представить достойные орудия верховной власти, представить ей таковыми еще прежде самих себя в самом избрании; ваше дело долженствует если не укрепить уже теснейший союз государя с государством, по крайней мере способствовать к сохранению его совершенным и ненарушимым — союз всегда вожделенный, но тем более драгоценный в нашем отечестве, чем очевиднее основывается он на любви и украшается доверенностью государя к подданным, как свидетельствует самое право избрания вам дарованное... Вам, избиратели, предлежит оправдать сию высокую доверенность, не огорчить сию державную любовь. Видите, что вы творите»

(Изд. 1877 г., т.1, стр.250—254).

«Попечение об устройстве такой системы наказаний, которая была бы направлена к цели исправлять виновных и противодействовать поползновениям к проступкам и преступлениям и которая бы с тем вместе умягчала правосудие кротостию, коснувшись пределов духовного ведомства, породило вопрос: какое может быть правильное воззрение на телесные наказания со стороны христианства?»

При рассмотрении сего вопроса прежде всего надобно иметь в виду, что Христос Спаситель созидал Церковь, а не государство. Силою внутреннего благодатного закона Он благоустраивает внутреннюю и внешнюю жизнь человеков. Государство старается силою внешнего закона поставить в порядок и охранить в порядке частную жизнь человека и общественную жизнь государства.

И посему государство не всегда может следовать высоким правилам христианства, а имеет свои правила, не становясь чрез то недостойным христианства. Например, христианство говорит: хотящему судитися с тобою и (посредством неправды в суде) ризу твою взять, отпусти ему и срачицу. Но государство не может сказать ограбленному: отдай грабителю и то, что еще не отнято у тебя. С таким правилом не могло бы устоять государство, в котором есть и добрые, и злые. Оно по необходимости говорит ограбленному: иди в суд; по суду грабитель (хитрый или наглый) должен возвратить отнятое, и быть обличен и наказан.

Вот изречение Христа Спасителя, касающееся наказаний, определенных в законе Моисеевом: «Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зуб за зуб. Аз же глаголю вам не

противиться злу» ([Мф.5:38—39](#)). То есть: по закону Моисееву, выколотивший у другого глаз должен быть наказан выколотием глаза, выбивший зуб — выбитием зуба; но вы не противоборствуйте делающему вам зло, не воздавайте обидою за обиду, терпите великодушно, предоставляйте Богу отмщение. И вот опять правило, которому не может следовать законодательство государственное. Спаситель не кодекс уголовный исправляет, не о том говорит, чтоб изменить род и степень наказания, Он преподает духовный закон — терпеть и не домогаться наказания за обиду.

Итак, вопрос об употреблении или неупотреблении телесного наказания в государстве стоит в стороне от христианства. Если государство может отказаться от сего рода наказания, находя достаточными более кроткие роды оного — христианство одобрит сию кротость. Если государство найдет неизбежным в некоторых случаях употреблять телесное наказание — христианство не осудит сей строгости, только бы наказание было справедливо и не чрезмерно.

Некоторые полагают, что телесные наказания действуют разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Бог чрез Моисея узаконил телесное наказание виновному: «числом четыредесять ран да наложат ему» ([Втор.25:3](#)), с тем, чтоб это разрушительно действовало на нравственность еврейского народа.

Полагают, что телесное наказание поражает в наказываемом всякое чувство чести. В силе сего возражения против телесных наказаний многое препятствует убедиться. Преступник убил в себе чувство чести тогда, когда решился на преступление. Поздно щадить в нем сие чувство во время наказания.

Тюремное заключение виновного менее ли поражает в нем чувство чести, нежели телесное наказание? Можно ли признать правильным такое суждение, что виновный из-под розог идет с бесчестьем, а из тюрьмы — с честью?

Если какое сознание подавляет виновного, производит в нем упадок духа и тем препятствует ему возвыситься к исправлению, то это сознание сделанного преступления, а не понесенного наказания. Имеющие случай обращаться с совестью таких людей замечают иногда, что они чувствуют внутреннее облегчение, понеся унижительное наказание, сим удовлетворяют правосудию, укрепляются в надежде небесного прощения и побуждаются к исправлению. Прежде, когда телесные наказания были суровее, приезжающие в Сибирь со страхом встречались с людьми, имеющими клеймо на лбу и не имеющими ноздрей; то тамошние уверяли, что это люди честные и достойные полного доверия. Видно, телесное наказание не препятствовало им из бездны преступления возвыситься до совершенной честности. Неизвестно, так ли теперь: может быть, не бывшие под наказанием не такой, как прежде, пример подают наказанным.

Но да возвратится слово на христианскую точку зрения. Апостолы, претерпев от синедриона безвинно телесные наказания, «идяху радуящиеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти» ([Деян.5:41](#)). Апостол Павел пишет к коринфянам: «трищи палицами биен бых» ([2Кор.11:25](#)), не думая, что тем унижает себя пред ними. Итак, по христианскому суждению, телесное наказание само по себе не бесчестно, а бесчестно только преступление.

Некоторые полагали бы совсем уничтожить телесные наказания и заменить их тюремным заключением. Для сего при многолюдном городе потребовалось бы построить и содержать почти город тюремный. Для сего потребовались бы огромные издержки, единовременные и непрерывные. Из каких сумм? Из государственных доходов. Откуда государственные доходы? Из налогов на народ. Итак, чтоб облегчить истинную или мнимую тягость виновных, надобно положить новую тягость на невинных. На сей случай и христианское, и человеческое милосердие может сказать: хорошо миловать виновных, но еще нужнее не отягощать невинных.

Указано в направлении против телесных наказаний следующее изречение: Святители всех вероисповеданий постоянно защищали личность существа, созданного по образу и подобию Божию.

Много указано свидетелей; жаль, что ни один не наименован и не показано, хотя о некоторых, что именно говорят они. Указаны даже и не существующие. Тех, кого мы называем святителями, в некоторых исповеданиях они не признаются и не существуют. Из того, что святители защищают личность существа, созданного по образу и подобию Божию, нельзя вывести заключения против телесных наказаний. Защищать личность существа, созданного по образу Божию, не значит защищать личность преступника. И что значит: защищать личность человека? Не значит ли сделать ее неприкосновенною? Но если можно сделать личность виновного неприкосновенной для розог, можно ли сделать личность всякого виновного неприкосновенною для оков?

Богодухновенные писатели защищают личность созданного по образу Божию не от телесного наказания, а от порока и его последствий. «Ты побиеши его жезлом, душу же его избавиши от смерти» ([Притч.23:14](#)).

Есть мысли, блещущие нравственною красотою, так что в них, как в солнце, не вдруг можно усмотреть темное пятно, хотя оно и есть. Таково следующее изречение: закон милосердия и кротости безусловно осуждает всякие насильства и истязания. Прекрасно. Однако если рассмотреть внимательно, то в сем блистательном изречении найдется некоторое пятно, то есть нечто не истинное. Нельзя осудить всякое насильство безусловно. Если кто буйствует неукротимо, то необходимо насильство, чтобы связать его. Если надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника, — он, конечно, не допустит сего добровольно, — а надобно употребить насильство, чтоб его схватить и сковать.

Таким образом, мысль блистательная, но не строго верная, не обещает надежных заключений в отношении к вопросу о наказаниях.

Слышно, что недавно в Англии рассматриваем был вопрос об уничтожении телесного наказания в военном звании и что тамошние военачальники подали голос сохранить оное, не опасаясь разрушить в воинах чувство чести, особенно для них важное, и даже признались, что без сего им трудно было бы сохранить дисциплину в нижних военных чинах. Но слово уже выходит из пределов предложенного вопроса.

«Время молчати».

«Особенное время, на которое Имеющий в руке Своей власть земли как необходимо потребного воздвиг Александра II, было не тихое утро России, но бурный вечер Европы. Буря мятежа разрушила и престол царя, и алтари Христовы у народа, который дотоле, по видимому, дышал только легким ветром; и ужасные развалины омывал продолжительный дождь кровавый. Из порывов безначалия родился, как сильный вихрь, похититель власти (Наполеон I), который то уносил престолы с мест, где они были, то поставлял их на местах, где их не было, и который, наконец, подняв большую часть Европы, нес обрушить ее на Россию.

Что если бы на сие время, когда так укрепился и возвысился сей излишний на земли, что если бы не воздвиг Господь потребного на ней? Что было бы с народами, которые со дня на день, умножая собою число поработанных, чрез сие самое умножали число орудий поработания и увеличивали силу поработителя? Что было бы со священным царским достоинством, которое непорфирородный царь оскорблял сугубо и унижением порфирородных и возвышением непорфирородных? Что было бы с народным духом, что было бы с просвещением и разумом образованнейшей части света, когда неограниченное самолюбие никаких границ не уважавшего властителя непременно требовало, чтобы все умело только раболепствовать пред ним, чтобы добродетель подвизалась только исполнять его волю, истина — ему ласкательствовать, знание — изобретать только средства для его цели, искусства — производить ему памятники его славы или размножать его идола? Чего надлежало ждать и христианскому богослужению от мнимого в своей земле восстановления оногo, который дал ему вид восстановления только для того, чтобы чрез то получить себе вид освящения?

Какая бездна зол открывается при сем размышлении! Потому какое беспредельное благодеяние Имеющего в руке своей власть земли, что воздвиг на ней Александра, дабы заключить сию бездну!...

Бог, который воздвиг Александра на время необычайных браней и подвигов, научил его противопоставлять оружием воинства плотским не одни плотские, но наипаче духовные?; хитрости — правду, дерзости — твердость и терпение, надменности — кротость и смирение, надежде на искусство и силы человеческие — упование на помощь и провидение Божие. И что же последовало? Идол Франции сокрушился о грудь России... Невольным поклонникам его дана свобода выйти из заблуждения. Союзом названные оковы многих царств распались. Александр с победою — в столице разрушивших тебя, возрожденная потом столица Александра! (говорится о Москве, сожженной в 1812 г., и о Париже, взятом русскими войсками). Ни к чему не прикоснется; ничего не требует; не показывает и не применяет славы победителя; дарит им пленных; воздает христианскую честь их царю мученику (Людовику XVI); дает им безопасность провозгласить изгнанного царя и восстановить законный, но давно разрушенный престол. Какая необыкновенная победа над врагами!..

...Неукротимый дотоле дух браней связан. Союзам царей и царств, для которых не находили дотоле более приличного закона, как закон своекорыстия и взаимной зависти, Александр сильным примером своим положил в основание закон бескорыстия и благоволения — словом, закон христианский. Несогласия народов или прекращены, или обессилены. Крамолы если не уничтожены, то приведены в отчаяние. Дела, которые решал меч, уже разрешаются советами. Многочисленное воинство Александра стоит в тишине, как величественная стража мира не только России, но и Европы. Оградясь от врагов внешних, Александр обращается против врагов внутренних, против неправосудия, неблагочиния, неблагочестия; как солнце, правильными шествиями обходит землю ему подвластную...

Царю царей! Ты взял сего царя, как праведного от лица неправды, когда она готовилась вновь разродиться отступлением от царей; ибо разрушителя крамол всемирных надлежало устранить от тяжкой судьбы видеть их отрасль, проникшую даже в отечество» (Слово при гробе императора Александра II, т.2, стр.253—254).

В своем знаменитом рассуждении «О причинах наших успехов в войне 1812 года» митрополит Филарет говорил:

«...Участь государств определяется вечным законом истины, который положен в основание их бытия и который, по мере их утверждения на нем или уклонения от него, изрекает на них суд, приводимый потом в исполнение под всеобъемлющим судоблюстительством Провидения.

Что есть государство? Некоторый участок во всеобщем владычестве Вседержителя, отделенный по наружности, но невидимую властью сопряженный с единством всецелого. Итак, чем постояннее оно удерживает себя в союзе верховного Правителя мира соблюдением Его закона, благочестием и добродетелию, тем точнее входит во всеобщий порядок Его правления, тем несомненнее покровительствуется Им, тем обильнее приемлет от Него силы к своему сохранению и совершенствованию. Оставив Бога, оно может быть на некоторое время оставлено самому себе, — по закону долготерпения, или в ожидании его исправления, или в орудие наказания для других, или до исполнения меры его беззаконий, — но вскоре поражается правосудием, как возмутительная область Божией державы.

Что есть государство? Великое семейство человеков, которое, по умножении своих членов и разделении родов не могли быть управляемо, как в начале, единым естественным отцом, признает над собою в сем качестве избранного Богом и законом государя. Итак, чем искреннее подданные предаются отеческому о них попечению государя и с сыновнею доверенностью и послушанием исполняют его волю; чем естественнее государь и поставляемые им под собою правители народа по образу его представляют собою отцов великого и в великом меньших семейств, украшая власть благотворением, растворяя правду милосердием, простирая призрение мудрости и благодати от чертогов до хижин и темниц, — тем соединяющие правление с подданными узы неразрывнее, ревность ко благу общему живее, деятельность неутомимее, единокровные неразлучнее, крепость неборимее. Но когда члены общества связуются токмо страхом и одушевляются токмо корыстию своею, когда глава народа, презирая его, употребляет орудием своего честолюбия и злобы, тогда есть покорные невольники доколе есть крепкие оковы, есть служители кровопролития доколе есть надежда добычи, а при наступлении общей опасности все связи общества ослабевают, народ без бодрости, престолы без опоры, отечество сиротствует.

Что есть государство? Союз свободных нравственных существ, соединившихся между собою с пожертвованием частью своей свободы для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия. Законы гражданские суть не что иное, как примененные к особым случаям истолкования сего закона и ограды, поставленные против его нарушения. Итак, где священный закон нравственности непоколебимо утвержден в сердцах воспитанием, верою, здравым, неискаженным учением и уважаемыми примерами предков, — там сохраняют верность к отечеству и тогда, когда никто не стережет ее, жертвуют ему собственностью и собою без побуждений воздаяния или славы. Там умирают за законы, тогда как не опасаются умереть от законов и когда могли бы сохранить жизнь их нарушением. Если же закон, живущий в сердцах, изгоняется ложным просвещением и необузданной чувственностью — нет жизни в законах писанных; повеления не имеют уважения, исполнение — доверия; своеволие идет рядом с угнетением, и оба приближают общество к падению.

Приложим сии всеобщие истины к настоящему положению отечества (в 1812 г.): они

покажут состав и меру его величия.

Верует Российское царство, что владеет Вышний царством человеческим, и, неотступно держась верою и упованием всемогущего сего Владыки, от Него прияло мощь, дабы, не колеблясь, удержать на раменах своих всю тяжесть своего бедствия, когда всеми земными силами было или боримо, или оставляемо. Когда правота и великодушные упразднены были в мерах безопасности вероломством и нарушением народных прав, благочестивейший монарх не поколебался, но поручил свое дело Богу и не усомнился в народе своем. Верный народ не поколебался, но вверил судьбу свою Богу и монарху. Продолжение и возрастание общей опасности нигде не могло быть примечено, разве при алтарях, где моления становились продолжительнее, возрастало число притекающих, отверзающиеся Господу сердца, уже не таясь собраний, изливались в слезах умиления и где отходящие на брань принимали последнее напутствие. Когда противу чрезмерного числа вражеских полчищ правительство принуждено было поставить не искушенных в брани граждан, вера запечатлела их собственным своим знаменем, утвердила своим благословением, и сии неопытные ратники подкрепили, обрадовали, удивили старых воинов. А когда неистовые скопища нечестивцев не оставили в мире и безоружную веру, когда, наипаче в богатой древним благочестием столице, исполняли свои руки святотатствами, оскверняли храмы живого Бога и ругались его святыне, — усердие к вере превращалось в пламенную, неутомимую ревность наказать хулителей и даже в ободряющую надежду, что враг Божий не долго будет счастливым врагом нашим. Наконец, с того времени как по исполнении дней тяжкого искушения Господь сил увенчал нас оружием Своего благоволения на необозримом поприще колико знаменитых, столько же трудных подвигов, — не тем ли наипаче высоким чувствованием одушевляется и украшается победоносное воинство, что идет под невидимым предводительством Бога отмщений?

Кроткий союз любви между подданными и государем, которого приобыкли они видеть нежным отцом своим и мудрым, неусыпным промыслителем, есть другой источник силы, сохранившей невредимую целость государства против напряженнейших усилий к его потрясению и сообщившей благоустройство и живость его действиям во дни нестроения. Когда уже враг некоторые области его занимал, а многим угрожал, оно принуждено было только еще собирать новые силы и пособия военные. Какие же необыкновенные меры потребны были для того, чтобы сие исполнено было и с невозмущенною точностью, и с неутомимую поспешностию, и с удовлетворением необъятных нужд, и без опасного стеснения народа? Одно слово государя. Будучи уверен в чувствованиях своего народа, он пригласил его ко всеобщему восстанию противу врага — и точно все восстали. Каждый помещный владелец учреждал посильное войско для слияния в общую силу; множество свободных рук оставляли весы, перо и другие мирные орудия и простирались к мечу; свободные пожертвования на потребности брани приносимы были не токмо свободными щедро, но и теми свободно, которые сами могли быть представлены другими в жертвование. Те, которых семейства были в опасности, обращались от них к общей опасности; семейства менее, нежели обыкновенно, плакали, провожая новых ратников: забывали родство, помышляя об отечестве. Приверженность народа к своему правительству не ослабевала и там, где затруднялись или прерывались сношения с правительством. Можно сказать, что в Москве, в самое время несчастного ее превращения из столицы Российской в ужасный стан французский, подданные Александра были вернее своему государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю: ибо известно, что своеволие французского войска, еще более пагубное для него самого, нежели для опустошенной им столицы, не могло быть укрощено ни присутствием, ни повелениями, ни правосудием, ни самою жестокостью Наполеона; между тем, как граждане московские, сохраняя послушание к своему государю, по многократным и ласковым, и грозным требованиям, но хотели даже

предстать иноплеменному властителю, решаясь страдать и умирать, но убежать с ним сообщения, оставляя его с одними телохранителями носиться по безлюдным путям вокруг Кремля, как толпы привидений около надгробных памятников.

Простые, но чистые и твердые правила нравственности, преданные от предков и не ослабленные иноплеменными нововведениями, поддерживали сию верность к своим обязанностям среди опаснейших соблазнов и величайших трудностей. Когда глас законов уже почти не слышен был среди шума бранного, закон внутренний говорил сердцу россиянина столько же сильно и повелительно: «Не смущайся сомнением и неизвестностью; в клятве, которую ты дал в верности царю и отечеству, ты найдешь ключ к мудрости, разрешающей все недоумения. Находясь целую жизнь под защитою законов и правительства, воспользуйся случаем быть хотя однажды защитою законов и правительства. Не страшись опасности, подвизаясь за правду: лучше умереть за нее, нежели пережить ее. Искупи кровью для потомков те блага, которые кровью купили для тебя предки. Уклоняясь от смерти за честь веры и за свободу отечества, ты умрешь преступником или рабом; умри за веру и отечество, и ты примешь жизнь и венец на небе». Вот правила, которые российский народ не столько умеет изъяснять, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вот чудное искусство быть непобедимым, собирающее войска без военачальников, претворяющее целые селения в ополчения, ополчающее на брань слабые руки жен, побеждающее победителей! Вот истинно свободная наука необразованного по новейшим умозрениям народа, которою он обличил западных просветителей в буйном и рабском невежестве и которою теперь с толиким успехом освобождает их от рабства!..

«Господи, в руци Которого власть земли и Который потребного воздвигаеши во время на ней» ([Сир.10:4](#))! На какое трудное время обрел Ты потребным избранного и воздвигнутого Тобою (императора) Николая! В то самое время, когда он вступал на родительский и прародительский престол, ему надлежало перешагнуть чрез опасность или, лучше сказать, чрез бездну, грозившую поглотить и престол, и царство. Он не поколебался; заградил бездну; мы успокоились...»

(Изд. 1877 г., т.3, стр.464).

«...Лукавое с дерзостью явилось было в то самое время, когда Николай I должен был воссесть на прародительский престол; и внезапная буря угрожала общественному порядку и безопасности. Но царь, твердый правдою своего призвания и упованием на Бога, не поколебался ни на мгновение: крепостию своего духа запретил буре; утвердил престол в то самое время, когда воссел на него; в первый день царствования сделался избавителем царства»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.249).

«Вскоре потом две нехристианские державы, одна за другой, вызывали его на подвиги бранные; и хотя открытая сила врагов подкрепляема была не менее значительной тайной силой завидующих России, однако правда и крепость нашего царя в брани и уверенность в победе низлагали открытое и обезоруживали скрытое противоборство...»

Так было и тогда, когда народ не совсем иноплеменный (поляки), утраченное им достоинство царства получивший только по милости русского царя и доведенный до беспримерного в прежней истории его благоустройства и благосостояния, воздал за благодеяния неблагодарностью и за благоуправление мятежом. Грозен и неотвратим был громовой удар царской правды, поразивший крамолу и своеволие: но вслед за тем, подобно как громовое облако благотворным дождем, разрешилась царская правда царскою милостью...

Хотите ли видеть во внутренних делах государства невозмущаемую затруднениями правду цареву? Посмотрите на законодательство. Век прошел до Николая I в неутвердившихся предположениях и в неуспешных трудах, чтобы дать благоустройство русскому

законодательству. Он совершил сие в немногие годы.

...Единство веры есть важное подкрепление единству народности, и оба сии единства вместе имеют важное отношение к силе государства. Около двух миллионов русского народа, прежде единоверных, в три прошедших века чуждою хитростью и насилием отторжены были от Православной Церкви, и употреблены продолжительные всевозможные усилия прикрепить их к церкви западной. Правительство же русское поступало с ними по правилам веротерпимости. Посему сколько должно было желать, столько же мало можно было надеяться их воссоединения с Православною Церковью. Но они вдруг собственным движением, под предводительством всех своих высших пастырей, почти всех священнослужителей тихо и свободно пришли в Православную Церковь, подобно как овцы возвращаются во двор овчий, из которого недавно вышли...

Но я не жатву собираю, а только срываю некоторые колосья на поле царского двадцатипятилетия.

Можно ли, однако, не упомянуть о последних событиях (венгерская революция), когда правда царя нашего подвиглась на заступление оскорбленного царя-союзника? Для сопротивления поднят был почти поголовно целый народ, обольщенный и обладаемый сынами лукавства, из многих народов соединившимися в единомыслие лукавства...»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.249—250).

«Поистине Россия может, — говорил митрополит о войне 1853—55 гг., — приносить Богу правды древнюю жалобу: умножися на мя неправда гордых.

После неправды соседа, который, быв защищен царем России от сильного мятежника, нарушил царственные договоры и древние права святых мест, утеснил православных христиан и тем начал распрю, сколько еще родилось неправды. Восстала неправда гордых, которая не могла спокойно смотреть на победоносное могущество России, — впрочем, ни для какого царства и народа не тягостное, а для многих благотворное, — и, судя по себе, не хотела верить правде России, вымышляла мечтательные на нее подозрения и обвинения и раздражала ими умы народов. Возбудилась неправда своекорыстия и, недовольствуясь многими уже широкими путями к приобретению, взыскала открыть себе новые оружием и кровопролитием. Была ли правда в предприятии миротворства, когда предложившие условия мира, какие они нашли безобидными для обеих разногласящих сторон, получив на оные согласие России, вместо того, чтобы соединиться с нею и поддерживать общее уже с нею дело мира, обратились на сторону противника ее и возжгли войну? Была ли правда и в другом подобном предприятии, когда доверенные воюющих и невоюющих держав нашли путь, которым все они полагали возможным дойти до мира, но две державы вновь обратились решительно на путь войны, не оправдывая сего никакими причинами и скрывая свои намерения? Не явны ли неправды войны, в которой враги наши свои неудачи против укрепленных мест думают вознаградить опустошением беззащитных, коварно употребляют знамя мира, чтоб убивать и грабить не ожидающих битвы, не щадят немощного пола и возраста, оскорбляют святыню поруганием и святотатством? Есть ли правда в союзе, в который вступили христиане с неверными против христиан, с желанием договоры, в пользу христиан, по праву заключенные, без права уничтожить, в котором защищающие попирают защищаемого, в который не побуждениями справедливости, а угрозами и прельстительными обещаниями стараются вовлечь царей и народы, чтоб они проливали кровь за дело им чуждое?»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.288).

«Нельзя равнодушно вспоминать, какие трудности надлежало преодолевать в сей брани российскому воинству, какие тягости должен был понести народ, каким лишениям и страданиям подвергались от врагов наши соотечественники, близкие к позорищу войны. Но с

сими печальными воспоминаниями соединено утешительное и величественное. Наши воины моря, начав свои подвиги истреблением турецкого флота, когда должны были уклоняться от чрезмерного превосходства морской силы нескольких держав, не только не уступили своих кораблей, но и сделали из них подводное укрепление для защиты пристани и города. Потом соединенные воины моря и суши одиннадцать месяцев победоносно противостояли в Севастополе многочисленнейшим войскам четырех держав и беспримерным донныне разрушительным орудиям. Наконец, хотя и допущены враги работать над оставленными им развалинами для умножения развалин, но в Севастополе донныне (до заключения Парижского мира) стоит русское воинство. На Дальнем Востоке малое укрепление с горстью людей отразило морское и сухопутное нападения несравненно сильнейших врагов, по признанию участвовавших в том более молитвою, нежели силою. На западе два сильнейшие флота бесполезно истощали свои усилия против одной крепости, а на другую смотрели только издали. На севере было странное противоборство: с одной стороны — военные суда и огнестрельные орудия, с другой — священнослужители и монашествующие, со святынею и молитвою ходящие по стене, и несколько человек со слабым и неисправным оружием: и обитель осталась непобежденною, и святыня неприкосновенною. Против России действовали войска четырех держав; и в числе сих были сильнейшие в мире. Из держав мирных некоторые были вполне мирны, а некоторые своим неясным положением уменьшали удобство нашего действия, и все обращалось в удобство для врагов. И несмотря на все сие, в Европе мы непобеждены, а в Азии мы победители. Слава российскому воинству! Благословенна память подвижников отечества, принесших ему в жертву мужество, искусство и жизнь!»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.343).

По случаю заключения Парижского мира митрополит Филарет 29 марта 1856 года сказал государю императору Александру Николаевичу следующее:

«К тебе очи наши и сердца, как прежде, тогда как не прежнее видим в твоём втором царском лете.

Ты наследовал войну упорную против нас и против мира — и даровал нам мир.

Твоя правда и мужество не отказались от войны — твоё человеколюбие не отказалось от предложенного мира.

Не победили России враги — ты победил вражду...»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.378).

В апреле 1856 г. митрополит Филарет в письме своём к князю С.М. Голицыну как бы разъясняет свою мысль, что Россия не была побеждена под Севастополем:

«Возвращаю вашему сиятельству киевское поучение. Простите, оно не очень меня пленило. Первый год царствования (Александра II) описан чертами свыше нужды темными. Какая в этом польза? Мы должны говорить для наставления: наставления из сего никакого не выведено.

Проповедник говорит, что Севастополь «отдан врагам». — Неправда. Северная часть его не отдана донныне.

Говорит: враги торжествуют. — Неверно. Англичане побеждены нами; и для французов не велико торжество, когда они от нескольких укреплений отбиты и одно только взяли.

Борется с вопросом: почему враги не наказаны? Здесь опять неточность. Они не мало наказаны: их много погибло собственно от войны, много истреблено болезнями и бурей на море. Следственно, правосудия не только ожидать должно в будущем, но частью оно уже и явилось.

Говорит, что государь «не мог отречься от мира». — Опять неточность, имеющая неблагоприятный вид. Что за невозможность? Государь властен был продолжать войну, но заблагорассудил предпочесть мир.

Если Бог посылает неприятное, надобно сие смиренно признавать, но не преувеличивать, ибо сие может вести к упадку духа, а не к пользе» (автограф этого письма в настоящее время в числе других находится в редакции «Православного обозрения», в коем наследники князя С.М. Голицына печатают письма к нему митрополита Филарета).

В день священного коронования императора Александра Николаевича, 26 авг. 1856 г., митрополит сказал государю в Успенском соборе следующее:

«Благочестивейший, Богом венчанный Великий Государь Император!

Благословен Царь царствующих! «Он положил... на главе твоей венец от камене честна» ([Пс.20:4](#)). С уверенностью говорю сие потому, что из уст пророка беру слово, изображающее судьбу царя, праведно воцарившегося.

Бог венчал тебя: ибо Его провидение привело тебя к сему законом престолонаследия, который Он же положил и освятил, когда прияв царя в орудие своего богоправления, изрек о нем свое определение: «от плода чрева твоего посажду на престоле твоём» ([Пс.131:11](#)).

Бог венчал тебя: ибо Он «дает по сердцу» ([Пс.19:5](#)), а твое сердце желало не торжественного только явления твоего величества, но наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычнего, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости.

Мы слушали твою о сем молитву ныне: Сердцеведец внял ей ранее; и когда ты медлил приять венец твой, потому что продолжал защищать и умиротворять твое царство, Он ускорил утишить бурю брани, чтобы ты в мире совершил твою царственную молитву и чтобы венец наследия был для тебя и венцом подвига.

Итак, «Господа силою... возвеселися Боговенчанный царь, и о спасении Его возрадуйся зело!» ([Пс.20:2](#)).

Возрадуйся такожде и ты, благочестивейшая Государыня, о славе твоего всепресветлейшего супруга, свыше освещаемой и освящаемой и лучом священным и тебя озаряющей...

Светло возрадуйся, Православная Церковь, и твоя соборная молитва веры, любви и благодарности да восходит к престолу Всевышнего, когда Он на избранного от людей своих полагает печать Своего избрания, как на вождя твоих сынов, на твоего верного и крепкого защитника, на преемственного исполнителя древнего о тебе слова судеб: «будут царие кормители твои» ([Ис.49:23](#)).

Светися радостью, Россия! Божие благословение воссияло над тобою в освященной славе царя твоего. Что может быть вождянее, что радостнее, что благонадежнее для царства, как царь, который полагает сердце свое в силу Божию ([Пс.47:14](#)), которому царский венец тогда приятен, когда принят от Царя Небесного, который царские доблести, намерения, деятельность желает освятить и освящает помазанием от Святого?

Поистине, благочестивейший Государь, чтобы от венца царева, как от средоточия, на все царство простирался животворный свет «честнейший... камней многоценных» ([Притч.3:15](#)) мудрости правительственной, чтобы мановения скипетра царева подчиненным властям и служителям воли царевой указывали всегда верное направление ко благу общественному, чтобы рука царева крепко и всецело обымала державу его, чтобы меч царев был всегда уготован на защиту правды и одним появлением своим уже поражал неправду и зло, чтобы царское знамя собирало в единство и вводило в стройный чин миллионы народа, чтобы труда и бдения царева доставало для возбуждения и возвышения их деятельности и для обеспечения их покоя, — не высший ли меры человеческой потребен для сего в царе дар? Но посему-то наипаче и радуемся мы, что, будучи рожден царствовать, будучи приснопамятным родителем твоим уготован царствовать, действительно царствуя, еще взыскуешь свыше дара царствовать. И верен Вознесший Тебя от людей своих ([Пс.88:20](#)), по вере твоей и твоего народа в приемлемом тобою ныне священном помазании даровать тебе невидимо помазание благодатное, светоносное,

пребывающее, действующее тобою к нашему истинному благополучию, к твоей истинной радости о нашем благополучии, — подобно как древле, по царском помазании благодатно и благотворно «ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом» ([1Цар.16:13](#))».

(Изд. 1861 г., т.3, стр.379—380).

Вспоминая в другой своей беседе с паствою коронавание императора Александра II, митрополит говорил:

«Вспомним, что это был достопамятный Бородинский день, в который Россия одна противостояла всей Европе, в который дух завоевания и преобладания, не знавший дотоле преград, приразился челом к стене, встретясь с духом любви к Царю и отечеству. Сему дню по достоинству досталась честь быть днем Царского венца и торжественным свидетелем любви народной к Царю.

Вспомним тогдашнее ясное и тихое утро. Оно как бы нарочно приготовлено было, чтобы явиться зеркалом и образом души Царевой.

Вспомним тогдашнюю в Кремле и окрест Кремля прекрасную тесноту, которая выражала сердечное стремление к Царю всего народонаселения московского и, по возможности, чрез представителей всего народа русского, или точнее, всех народов царства Всероссийского.

Найдется ли довольно сильное слово, которое изобразило бы тогдашний всеобщий восторг? — И пусть не найдется. Это ненайденное слово вам и слышимо, и понятно: поелику от тогдашних сердечных восклицаний есть и ныне верный отголосок в верных сердцах.

Особенно желал бы я, чтобы каждый сын России в таком же свете узрел ныне мысленным оком, как мы тогда мысленным и чувственным оком зрели Благочестивейшего Царя нашего и Благочестивейшую Супругу Его, и совершавшееся с Ними в сем святилище (В Большом Успенском соборе в Кремле) в священнейшие минуты священного дня. Как смиренным являлось Их величие пред лицом Царя царствующих и вместе как величественным Их смирение! Какое благоговение пред святынею! Какое одушевление молитвы! Какое небесное безмолвие в церкви, когда венчанный Царь один преклонил колена и горячая молитва о благословении свыше на Него и на царство Его просиявала из Его сердца, и очей, и уст и тихо воспламеняла все сердца: сливала их в одно кадило, в один благоуханный фимиам; и его, без сомнения, невидимо принимал Ангел Хранитель России, «и взыде дым кадельный молитвами святых от руки Ангела пред Бога» ([Апок.8:4](#)).

Да взираем на сие и ныне оком радующегося сердца, но притом, как я сказал, и оком размышляющего ума.

Как тщится Царь, благословенный на царство Родителем и законом престолонаследия, снискать высшее благословение и освящение! Как тщится с своей стороны святая Церковь усвоить Царю вышнее благословение и освящение!

Священнодействие царского венчания Православная Церковь начинает тем, что предлагает Благочестивейшему Императору произнести во всеуслышание православное исповедание веры. Что сие значит? — Это значит, что Церковь, как сама основана неколебимо на камени веры, так желает и царское достоинство, и желаемое благословенное царствование утвердить непоколебимо на камени веры. Поистине, если Господу нашему Иисусу Христу, владычествующему всем по Божеству, вследствие заслуги спасительного страдания и воскресения, новым образом, как Богочеловеку, дадися, по собственному изречению Его, «всяка власть на земли, как на небеси» ([Мф.28:18](#)); если Он, по слову Тайновидца, есть «князь царей земных» ([Апок.1:5](#)), — то царь и царство могут быть истинно благословенны и благоденственны только тогда, когда угодны Ему и Его верховному владычеству; а угодны Ему могут быть тогда, когда право исповедуют и деятельно хранят веру, которая есть сила, средство и цель Его владычества. Сию истину деятельно признал благочестивейший Государь наш при своем

царском венчании. О, если бы сею истинною одушевлялись и все сыны царства, и наипаче все особенным званием и должностью призванные служить державной воле Царя и благу царства!

Весь чин царского венчания святая Церковь как облаком духа облекает, как благоуханием священного кадила исполняет — обильною молитвою. Каждое воспринимаемое Царем знамение величества, порфиру, венец, скипетр, державу она осеняет Божественным именем Пресвятой Троицы. И сего не довольно. Чтобы усвоить царю более внутреннее, таинственное освящение, она священным помазанием полагает на нем печать дара Духа Святого: приближает его к самой Трапезе Господней и в лице священнодействующих и священнослужащих укрепляет его на великий подвиг царствования Божественною пищею Тела и Крови Господней.

Взирая мысленно на сие столь же священное, как величественное зрелище, кто не помыслит с благоговением, как велико поистине значение православного Царского величества. Оно осенено, объято, проникнуто освящением свыше. Мне кажется, что здесь недавно слышал я древние иерусалимские пророческие от лица Божия гласы: «Вознесох избранного от людей Моих; елеем святым... помазах его; истина Моя и милость Моя с ним» ([Пс.88:20—21, 25](#))

(Изд. 1861 г, т.3, стр.300—301).

Известно, что митрополит Филарет участвовал в составлении достопамятного манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, начинавшегося незабвенными словами: «Осени себя крестным знаменем, православный Русский народ, и призови благословение Божие на твой свободный труд...» Встречая в этом году в Успенском соборе в Кремле Царя-Освободителя, святитель Церкви сказал ему следующие знаменательные слова:

«Приветствуем тебя в седьмое лето твоего царствования. У древнего народа Божия седьмое лето было летом законного отпущения из рабства ([Исх.21:2](#)).

У нас не было рабства в полном значении сего слова; была, однако, крепкая наследственная зависимость части народа от частных владельцев. С наступлением твоего седмого лета ты изрек отпущение.

Обыкновенные сильные земли любят искать удовольствия и славы в том, чтобы покорить и наложить иго. Твое желание и утешение — облегчить твоему народу древние бремена и возвысить меру свободы, огражденной законом. Сочувствовало тебе сословие благородных владельцев и в добровольную жертву сему сочувствию принесло значительную часть своих прав. И вот более двадцати миллионов душ обязаны Тебе благодарностью за новые права, за новую долю свободы.

Молим Бога, чтобы добрый дар был разумно употреблен; чтобы ревность к общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрешения затруднений, иногда неизбежных при новости дела; чтобы получившие новые права из благодарности порадели уступившим древние права, чтобы приятная мысль о труде свободном, сделала труд более прилежным и производительным, к умножению частного и общего благоденствия. Да будет твоя к твоему народу любовь увенчана неувядающею радостью под осенением Провидения, благодатно простираемым вместе с тобою над совенчанною тебе твоею супругою и твоими благословенными чадами»

(Изд. 1861 г., т.3, стр.383—384).

Обращаясь в отчете своем за 1863 г. к состоянию своей паствы, митрополит Филарет говорил следующее:

«Состояние благочестия в православной пастве представляет вообще вид благоприятный и свидетельствуется прилежностью к особенно чтимым святыням, посещением святых храмов, усердием к слушанию катихизических поучений, пожертвованиями на устройство храмов с благотворительными учреждениями. Но нельзя не видеть и противоположных сему печальных явлений, и преступно было бы равнодушно молчать о них. Литература, зрелища, вино

губительно действуют на общественную нравственность. Чрезмерно размноженные светские повременные издания, усиленно распространяемые в народе, неблагоприятно действуют даже тем, что возбуждают и питают не столько истинную любознательность, сколько бесплодное любопытство; дают много чтения приятного и занимательного, но мало назидательного, доставляют познания отрывочные, смешанные, сбивчивые, но с тем вместе поглощают внимание и время, отвлекают от чтения книг основательных, делают умы поверхностными и ленивыми для глубоких размышлений о важнейших предметах знания. Такое направление литературы вредно для религиозной, нравственной и гражданской жизни обществ; но зло, происходящее от современной литературы, на этом не останавливается. В литературных произведениях и легкого, и серьезного содержания, даже представляемых в учебное руководство юношеству, божественное откровение подвергается сомнению, священные предания унижаются до сравнения с баснями, правила христианской нравственности и установления церковные не уважаются, усилие дать основание неверию в чудеса доходит до того, что проповедаются баснословные ученые нелепости, как, например, в переведенной книге Циммермана утверждается, будто скиния свидения была не иное что, как большая электрическая машина.

О том, до какой степени чужды нравственности и вредны зрелища, духовенство может судить только по чужим отзывам и внимает им с осторожностью, чтоб не произнести суда неправильного или излишне строгого...»

Но если начальство зрелищ, невзирая на неудовольствие здраво и основательно мыслящей части общества, для денежных выгод, рассчитанных на поползновенных к нечистым удовольствиям людей, станет повторять подобные зрелища и сильнее введет чрез них бесстыдство и растление в нравы, то правительство православно-христианское будет ли свободно от ответственности за сие пред Богом? Во Франции подобные зрелища возбудили против себя некоторые меры правительственные, но там сии меры, как поздние, уже недействительны. Надобно ли потачкою злу воздвигать препятствия к преспеянию добра, чтобы потом входить в позднюю с ними борьбу? Не лучше ли предупредить возникающее злое.

Между тем, как зло от литературы и зрелищ действует более на высшие и средние классы общества, дешевое вино губит низший класс народа. Места продажи так размножились, что в некоторых городах на 10 и 11 домов приходится по питейному заведению. Дешевизна и удобство приобретения вина ведет к тому, что не мужской только пол, но и женский, не взрослые токмо, но и малолетние упиваются вином. Многие дома и души у поселян вконец разорены. Пьянство, вошед в привычку, требует себе постоянно новых жертвований и лишает человека и способов к жизни, и способности к труду, ввергает людей в нищету, праздность, пороки и преступления. К церкви менее прибежности, менее благоговения к святыне и уважения к духовенству. В один прошедший год многие из народа понизились в нравственности так, что, не видя, трудно поверить их упадку...

Но зло растет, и благонамеренным трудно будет устоять, если чиновники (по акцизному сбору) будут настоятельно убеждать к открытию кабаков, как это в некоторых местах замечено. Если в преследовании финансовых видов не довольно обращается внимания на нравственность народа — это невыгодный расчет. Лучшее богатство государства и самая твердая опора престола — христианская нравственность народа.

Настоящее время представляется довольно благоприятным для распространения истинного просвещения в народе чрез умножение хорошо устроенных училищ сельских. Народ по освобождении от крепостной зависимости видит перед собою открытыми разные поприща общественной деятельности и более прежнего признает пользу грамотности и желает умножения школ. Светское начальство сим озабочено, но сия самая забота служит причиною новой заботы для начальства духовного, ибо есть основание опасаться, что светское начальство

такое устройство сообщит новым училищам, которое по светскому своему характеру не будет благоприятно действовать на утверждение веры и нравственности в народе. Предполагается образовать особых светских наставников, которым будут вверены училища, а духовенство будет лишь приглашаемо, где заблагорассудит светское начальство, к преподаванию Закона Божия. Не говоря уже о том, что такие училища будут дорого стоить, — тогда как теперешние училища, руководимые и часто содержимые духовенством, почти ничего не стоят, — наставников, требуемых в великом числе, нелегко избрать и приготовить, между тем как теперь в священнослужителях представляются люди готовые и свидетельствованные. Со времени принятия христианства и до настоящего времени русский народ не имел других учителей кроме духовенства. Духовный отец, испытующий своих прихожан, поучающий их во храме, освящающий их таинствами, молящийся с ними во всех важнейших торжественных случаях жизни, принимающий самое близкое участие в их скорбях и радостях, был и есть самый естественный учитель и начальник сельского училища. И что духовенство оправдало свое призвание наставлением народа, тому доказательством служит вся русская история. Какие трудности перенес русский народ! Он перенес трудные времена княжеских междоусобий, татарского ига, самозванцев и борьбы с поляками, а потом французами, он великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII в. и заслужил удивление сдержанностью своею после объявления ему Положений 19 февр. 1861 г. Во всех этих случаях в течение 900 лет он имел для всей своей массы одно училище — церковь, был руководим одним учителем — духовенством. Все сие, конечно, не ведет к тому, чтобы поспешно переменить систему народного просвещения, которая сама собою установилась и оправдана опытом веков. Если в ней есть недостатки, то удобнее и благонадежнее исправить их, нежели изыскивать и вводить системы новые, искусственные, неиспытанные, неоправданные, не сильно обнадеживающие успехом и сильно угрожающие в случае неудачи, потому что эта неудача прострется на всю Россию. Несовершенство сельских училищ и учителей духовного ведомства происходит наиболее от недостатка способов. Учитель имеет потребные сведения, их нужно лучше приспособить к делу. Пусть дадутся способы учителю и учебные пособия для учеников; он не затруднится усвоить себе благонадежную методу преподавания, даже без помощи особых педагогических наставлений, посредством книг и собственного опыта и совещаний с людьми подобных занятий. Надежда сия основывается на опыте...

...С некоторого времени в области русского слова распространяется род безначалия, невнимания к принятым прежде правилам, неуважение к признанным прежде образцам — под видом народности и общепонятности, развивается направление не к народности чистой, благородной, правильной, но к простонародности смешанной, низкой, неправильной. Как одного из вредных последствий сего направления, если не удастся исправить оно, надлежит опасаться того, что язык под пером писателей, а затем и в устах народа быстро уклоняться будет от славянского церковного наречия, что прекрасный, сильный, проникнутый духом христианского учения церковный богослужебный язык сделается наконец вовсе непонятен присутствующим при Богослужении... Если государство по справедливости заботится о том, чтобы язык государства возмогал над языком разноплеменных подданных, менее ли заслуживает заботы то, чтобы язык Церкви не сделался наконец языком чужестранным чрез своенравное нимало не нужное от него удаление языка народного (Письмо к президенту Императорской Академии Наук графу С.С. Уварову).

В 1862 г. митрополит Филарет распорядился, чтобы в московских церквях за каждую службой употреблялась молитва, которая обыкновенно читается на праздничных литиях и где просят Господа, чтоб Он отвратил от нас гнев свой, праведно на нас движимый и прочее. Это, говорит А.Н. Муравьев, произвело, особенно в Петербурге, толки, будто митрополит

предсказывает какую-то предстоящую нам беду. По этому поводу Филарет писал к упомянутому лицу:

«Не молитву, а известное молитвенное прошение, не по предписанию, а по примеру чаще обыкновенного стали употреблять в Москве, потому что умножились грехи наши и наипаче требуют покаянной и усиленной молитвы. Кажется, это ясно для благонамеренных; а если надобно объяснение, то скажу, между прочим, что литература цензурная и безцензурная широко распространяет мысли и учения противорелигиозные, противонравственные, противоправительственные, и многие сильно заражаются...»

«...Мы дожили до какого-то туманного времени, — говорил митрополит в другом письме. — Мгла покрывает умы. В одних видишь неожиданное, в других не видишь ожидаемого» (Письма митр. Филарета к А.Н. Муравьеву, стр.594—597).

Во время польского мятежа 1863 г., когда смута в умах поставила и у нас под тяжкий вопрос единство и нераздельность России, митрополит Филарет с глубоким одушевлением поддерживал стоявших на страже этой основы нашего народного и государственного существования. В эту трудную годину святитель благословил издателя «Московских ведомостей», который получил от него, кроме других выражений сочувствия, образ Архистратига Михаила (в день его 8 ноября 1864 г.) с собственноручною знаменательною надписью. Поддерживал он и Муравьева в его борьбе с мятежом в Северо-Западном крае.

«Было слышно и видно, — писал к нему владыка в мае 1863 г., при самом его назначении туда, — что многодеятельная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконец облегчения, дабы часть должностного труда была заменена долей покоя. Но как царское слово вас вызвало на защиту и умиротворение отечества, вы забыли потребность облегчения и покоя: не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крепких сил и неутомимой деятельности, нашли новую силу в любви к царю и отечеству.

Верные сыны царя и отечества узнали о сем с радостью и надеждой. Ваше назначение есть уже поражение врагов отечества. Ваше имя — победа.

Господь сил да совершит вами дело правды и дело мира.

Да пошлет тезоименного вам небесного Архистратига; да идет он пред вами с мечом огненным и да покрывает вас щитом небесным.

С сими мыслями и желаниями препровождаю вам вместе с сим в благословение икону Св. Архистратига Михаила...»

«Приветствовав прежде в лице вашем подвижника царственной правды и народности русской, имею, — писал митрополит 21 сент. 1864 г., — долг еще приветствовать вас, как подвижника православия в стране, где оно некогда господствовало, потом долго и вновь недавно страдало и где вы поднимаете из земли его древнюю погребенную славу. Господь да продолжит сохранять вашу крепость, вашу деятельность и умножать плоды ее.

Древняя плащаница, вашею настоятельною ревностью открытая, из рук похитителей и поругателей, и возвращенная и назначаемая в московский Новодевичий монастырь, как место ее происхождения, и составленный о ней акт мною получены».

После покушения Каракозова на жизнь покойного Государя Императора Александра Николаевича по поводу призыва графа М.Н. Муравьева на борьбу с крамолой митрополит Филарет в июле 1866 г. писал к нему:

«К трудным подвигам, по невидимым манованиям Провидения Божия, призывает вас Верховная власть и притом так, что на призывающий глас Царя с сильным сочувствием откликается голос народа.

И теперь встревоженное страшною минутой отечество с участием заботы и надежды взирает на ваш подвиг, и ревностные сыны его молят Бога, чтобы вам дано достаточно крепости

и средств обнаружить и упразднить корень зла, чтоб он не прозябал более.

С утешением узнал я, что среди трудного подвига служения Царю и отечеству вы в то же время совершаете добровольный подвиг служения Богу: созидаете храм Господень (в своем имени).

Приимите на престол сего храма Св. Евангелие, приносимое от моего усердия, с призыванием вашей душе, вашему житию и вашим деяниям благословения земного и небесного, от времени до вечности».

По случаю кончины графа М.Н. Муравьева московский митрополит писал к брату покойного А.Н. Муравьеву следующее:

«Со дня на день мысль моя обращается к вам, чтобы сказать слово участия о событии, печальном для всех любящих отечество, для вас еще по особенной причине. Но моя ветхость худо движется, и моя мысль, подвигшись, своею тяжестью безмолвно погружается в думу.

Посильно молимся о приснопамятном боярине Михаиле, да в благости своей Господь помянет его крепкий до смерти подвиг в верности царю и любви к отечеству и да наградит его покоем и венцом небесным.

Мы вписали его имя в диптихи церковные. Слово о кончине его у всех на устах и у всех с чувством утраты, почему много молитв о нем взыдет на небо.

Что думать о его внезапной кончине? Можно думать, что она не должна увеличивать чувство печали. Непосредственно от трудного подвига государственного он перешел к подвигу духовному. Устранясь от всего мирожительского, среди сельской простоты, он праздновал освящение храма, им созданного, возрадовался духовно; душа его возвысилась, и тогда речено ангелу его: добра сия минута, чтобы взять сию душу.

Его, сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».

Во время этнографической выставки в Москве, при посещении митрополита Филарета собравшимися представителями разных славянских племен, святитель сказал следующее:

«Имею неожиданное утешение приветствовать вождельных гостей и братьев, которых здесь вижу и которых сверх ожидания видит ныне Москва.

Благословен Бог и Господь наш Иисус Христос, посетивший и посещающий бедственно разделенное человечество и направляющий оное к единому спасению и спасительному единству.

Славяне и славяно-россы — род един. Но его начало затемнено временем. Движением дел человеческих разделены отрасли его. Это разделение неблагоприятно было единству языка его.

Бог воздвиг двух святых братьев по плоти и по духу, которые сделались отцами нашими по духу, родив нас благовествованием Христовым, и наше естественное братство обновил и возвысил братством духовным. Нет сомнения, что любовь родственная усовершенствована и укреплена любовью христианскою. Единство духа и языка охранено тем, что язык славянский сделался языком веры и Церкви. Мы, россияне, наследовали сей дар Божий от старейших в христианстве братьев наших и не престаем быть благодарными. Состраждем скорбям, сорадуемся надеждам братьев наших, и сквозь разделение зрим к единству. И вот нечаянный случай из отдаленных стран подымлет ревнителей славянского братства и соединяет их в средоточии русского единства, чтобы непосредственно из сердца в сердце излить братское чувство и, вопреки внешним разделениям, найтись в живом внутреннем единении.

Видев знамения Провидения в нашем прошедшем, осмелимся и в настоящем видеть знамение во благо.

В духе христианства да растет наше единение, и в таком единении сила, способная победоносно созидать и распространять общее и частное благо.

Приветствуем вас искреннею любовью и благою надеждою по вере во всеблагое

Провидение Божие».

По поводу греко-болгарской распри митрополит в январе 1866 г. писал к патриарху Константинопольскому:

«Достойно... молитв ваших, чтобы народ, долго пребывавший в послушании Константинопольского престола, а ныне взволнованный, борющийся, искушаемый, был умиротворен и охранен в православии предоставлением ему довольной свободы иметь пастырей и учителей удобопонимаемых, слушать богослужение на понятном языке и обучать детей на природном языке...».